

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

МАРК
ПРАТУСЕВИЧ

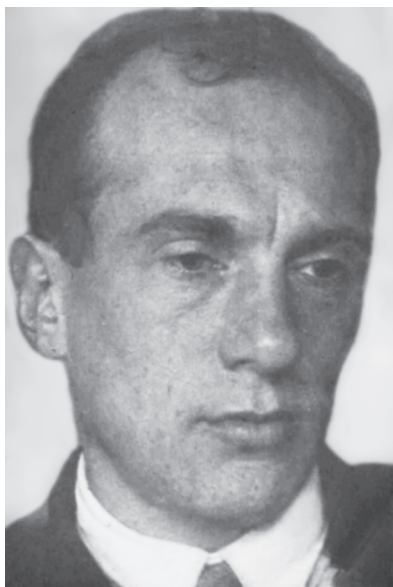
«О, ЕСЛИ БЫ...»

ММХІІ

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Марк Пратусевич
«О, ЕСЛИ БЫ...»

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

МАРК ПРАТУСЕВИЧ

«О, ЕСЛИ БЫ...»

Стихотворения

Водолей
Москва – 2012

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
П70

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста
Р.М. Пратусевича и Т.Ф. Неиумовой

Послесловие *Р.М. Пратусевича*

ISBN 978-5-91763-140-0

© М.М. Пратусевич, наследники, 2012
© Р.М. Пратусевич, составление, послесловие, 2012
© Издательство «Водолей», оформление, 2012

І. ЮНОСТЬ

(1912–1921)

ЦАРСТВО СНА (ИЗ ОВИДИЯ)¹

От Киммерии недалеко
Стоит гора, а в ней глубоко
Пещера тянется одна –
Там царство сна.

Лучу утра, лучу захода,
Лучу полудня – нет там входа,
И не глядит туда луна –
Там царство сна.

Нет света там – лишь свет обманный,
То с мраком обнялись туманы,
Кругом глухая тишина –
Там царство сна.

Там не кричит петух с зарею,
И никогда между собою
Собаки не грызутся там –
То сонный храм.

Но что? Как будто слышен где-то
В пещере шум? Ручей из Леты

¹ Из XI книги «Метаморфоз».

Струится и дарует он
Всем крепкий сон.

И, распластав над входом крылья,
Из трав, растущих в изобилие,
Из мака, что кругом цветет,
Ночь сок берет

И соком землю окропляет,
Дыханьем воздух наполняет,
И после вновь спешит она
Сбирать сок сна.

А чтоб не слышно было даже
Шагов и скрипа, нет там стражей
И ни одной там двери нет.
Уж много лет

Бог сна лежит на мягком ложе
И слуги-сновиденья тоже
Лежат вокруг его дворца.
Им нет конца,

Как листьям, что с дерев спадают,
Колосьям, что с полей срезают,
Как камешкам цветным, морским
Конца нет им.

1912
Белая Церковь

* * *

(Из Р. Тагора)¹

На морском берегу бесконечных миров
Собираются радостно дети.
Неподвижен над ними небесный покров,
А на море свирепствует ветер.

Дети пляшут, поют, не боятся валов,
Ничего не боятся на свете.
На морском берегу бесконечных миров
Собираются радостно дети.

Из песка они домики лепят свои
И играют пустою ракушкой,
Из увядших листков они строят ладьи
И в пучину бросают игрушки.

Не умеют нырять и искать жемчугов,
Не умеют закидывать сети.
На морском берегу бесконечных миров
Собираются радостно дети.

Кто по жемчуг идет, тот от прочной земли
Опускается в бездну морскую.
Кто товар продает, у того корабли,
Тот плывет – потерять все рискуя.

¹ В саратовском журнале «Звено» (1916, № 2. С. 43) опубликован ранний вариант перевода. Источник – прозаический перевод «Гитанджали» (в 1914 г. вышел перевод Н.Пушешникова под ред. И. Бунина, 1915 г. – другой, под ред. Ю. Балтрушайтиса).

На морском берегу бесконечных миров
Собираются радостно дети.
Им не нужно богатств и подводных даров,
Им не нужно закидывать сети.

И вздымается с хохотом море во мгле,
И бледнеет улыбка залива,
И валы, смертоносные для кораблей,
Детям песню поют терпеливо.

Так младенцу поет колыбельную мать,
Наклонившись с улыбкой над зыбкой,
И играя с детьми, волны катятся вспять,
И мерцает залива улыбка.

На морском берегу бесконечных миров
Происходит великое чудо:
Тучи небо гнетут. Ветер зол и суров,
Сеет гибель везде и повсюду,

Только дети одни не боятся валов,
Ничего не боятся на свете.
На морском берегу бесконечных миров
Собираются радостно дети.

1916–1964
Саратов–Москва

ОСЕНЬ¹

Осень. Небо мутное.
Лужи, дождь и грязь.
Дума, как попутная
Гостья, пронеслась.

Где-то в отдалении
Слышен стук колес.
Ветер с грустным пением
Бросил капли слез...

Жутки упадания
Слез в глухой тиши,
Будто догорания
Гаснущей души.

Осень. Небо мутное.
Лужи, дождь и грязь.
Дума, как попутная
Гостья, пронеслась.

1916

Саратов

¹ Опубликовано в журнале «Звено» (1916, № 1. С. 7)

СНЕЖНАЯ КАРУСЕЛЬ

Тысячью снежинок я в лицо уколот.
Здравствуй, снег рожденный!
Здравствуй, первый холод!

Разомкнула руки снежная царица,
Разгорелись души, разгорелись лица,

И летят снежинки, полные задоров,
Тают на ресницах от горячих взоров.

Тысячью снежинок я в лицо уколот.
Я безумно весел, я бесстыдно молод.

Где же ты, царевна в лебединой шубке?
Где твой вздорный носик, пламенные губки?

Нечего сердиться, незачем лукавить,
Распахни мне шубку, распахни – пора ведь!

Надоело быть мне к грезде пригвожденным.
Я хочу кружиться. Здравствуй, снег рожденный.

1916
Саратов

Я вечно юн, я вечно юн.
В душе дрожат мильоны струн,
В душе мильоны струн дрожат,
О, как я рад, как звонко рад.

Я колокольчик голубой,
И ты со мной, и ты со мной,
Я чистый беленький снежок,
Голубоглазый василек.

В твоих глазах я утону,
Тебе доверюсь я, как сну,
И я замру², и я умру
И оживу я лишь к утру.

А утром солнце разбужу,
Чтобы тепло было ужу.
И петь тебя я научу,
И с песней побежим к ручью.

Ручей, ручей, что ты спешишь,
Песчинкам что ты говоришь,
Ручей, ручей, я знаю лишь,
Что очень ты меня смешишь.

Ты песню у меня украл,
Как пели мы, ты услышал,

¹ В автографе помета: «перевод из?..».

² В авторской машинописи «и я замру» повторено дважды.

И тотчас песню перенял,
И звонко петь песчинкам стал.
Ну, ничего, пой, звонко пой,
Ручей прохладный, молодой.

А тыними свой башмачок
И брось на золотой песок,
И в серебристую струю
Босую ногу ты свою
Скорей¹, скорее опусти,
И струйки, струйки размечи.

Теперь свой башмачок одень,
Встречать мы будем светлый день.
И в темный, темный лес пойдем.
О, старый лес, о, темный лес,
Меня уж нет, уж я исчез.

Ау, ау, где ты, где ты?
Беги сюда, вот здесь цветы.
Но лес шумит, но лес шумит,
Послушай, что он говорит:
«Не троньте вы цветов моих,
Я стар, и я умру без них,
Не трону я, не тронь и ты –
Пускай растут, живут цветы».

1916

Саратов

¹ В авторской машинописи: «скорее».

В ДЛИННЫХ ТРАВАХ¹

Тихо я добрел до устья,
Где печаль впадает в море.
В длинных травах столько грусти,
В длинных травах – на просторе.

В тишине все души зыбки
В вечерах воспоминаний.
Утонули все улыбки
В волнах грусти и страданий.

Ускользящие были
Тянут нити длинно-длинно...
Мы ушли, но сохранили
В душах скорби паутины.

А теперь добрел до устья,
Где печаль впадает в море.
В длинных травах столько грусти.
В длинных травах – на просторе.

1916

Саратов

¹ Опубликовано в журнале «Звено» (1916, № 2. С. 9)

* * *

За горизонтной линией
Плывут мечтанья синие.
Но недалеко зрение,
И оттого томление.

Хочу дарить подарки я
Не синие, а яркие,
А яркие и жаркие,
Чтоб помнили, что Марко я.

Хочу волшебным лесом я
Блуждать, искать тропиночки,
Подарки всем принцессам я
Дарить за их слезиночки.

За горизонтной линией
Волшебный лес с принцессами.
Мои страдания длинные
В стихи мои записаны.

<1916>

<ЛИЗЕ ЧЕРТОК>

В кольцо колец тоска свернулась –
Змеи затенен зоркий глаз:

Замкнулось сердце: явь коснулась
И крови полон вод топаз.

Затенен глаз. Но смотрят очи
На сонмы тел из тьмы глазниц
И боль утрат в приливах ночи
Под грохот близких колесниц.

И новый сон вступает странный,
Тот сон решеток кружевных
На дюнах неба-океана –
Ты помнишь! Серп обманный в них?

1917

* * *

Посвящается светлой Жозефине

Ах, не роза белая и не спелая вишня я.
Девочка неумелая, в этом мире лишняя.

И не знать весны мне, и не знать мне песен.
И не шепчут сны мне хоры белых кресел.

Уж пойду на море, утоплюсь в сорочке.
Слишком сильно горе, слишком ноют ночки.

И не будут плакать горемычно волны,
Не заблещут в бурях ряды быстрых молний.

Ах, не роза белая и не спелая вишня я –
Девочка неумелая, в этом мире лишняя.

1917

* * *

Посвящается Ея Сиятельству Лизе¹

Совершая в область души Вашей экскурсию,
Был дерзок, смел и, как Колумб, уверен.
Но вдруг почувствовал, что сбился с курса я
И что компас мой в волнах утерян.
Приняв во внимание все обстоятельства,
Я не растерялся и поступил довольно просто.
Простите меня, Ваше сиятельство,
Но я заметил в душе Вашей необитаемый остров.
Туда я высадился. Построил себе хижину.
И стал наблюдать на солнце переливы...
Как волны прекрасны... Не будьте обижены,
О Ваше Сиятельство!.. И не будьте гневливы.

1917

ГАДАНИЕ

Боль не от мира и боль не от сердца,
Боль не от взгляда и боль не от солнца.

¹ Т.е. Лизе Черток.

Боль от гаданья. Ах, мне не верится.
Верится, верится. Скоро ль исполнится?

Сон или бред? Поднимается красный,
Красный туман над мечтаньями синими.
Стан Ваш, моею рукой опоясанный,
Вдруг загибается странными линиями.

Боль не от мира и боль не от сердца,
Боль не от взгляда и боль не от солнца.
Ах, поцелуем желанье ль умерится?
Красною искрой в глазах оно молвится.

Сон или бред? Вашим взглядом израненный,
Боль от гаданья, от красного солнца.
Сердце в безумии. Танец ли пьяный?
Верится, верится. Скоро ль исполнится?

1917

Киев

* * *

В моей душе взойдут снега,
Так умирительны и строги,
И божья белая рука
Благословит мои чертоги.

И молчаливый друг придет,
И несказанность совершится,

Как будто тихий свой полет
Вдруг сообщила сердцу птица.

И оснеженные гряды
Притянут взор, прямые и строги,
Где бросят грустные следы
Твои беспомощные ноги.

<1917>

<НОРВЕЖСКОЙ ДЕВУШКЕ>

Горите медленней
В костре мечтаний,
Кладите свет длинней
На волны тканей.

Души, взволнованной
Нежданной встречей
И избалованной
В мечтанный вечер.

Вы из Норвегии?
Где снежность линий,
Где всплеск элегии
И сказки синие?

Где дух воинственный
Плывет к созвездиям,

Где ночь таинственно
Прядет возмездия?

<1917>

* * *

О, стоны чибисов в вечерний перелет,
Весенний мрак и узкие пространства,
Расплавливаемый тоской цыганской
В прозрачном теле лед.

О, разве в телесной такой нищете
Можно жить и биться?
Шарахнулись годы. Быть беде,
Которая снится... снится...

Шарахнулись годы – куда, к кому?
К распятым ли, к жизни?
Иль это звонов вечерний табун,
Которых уже не вызвонить –

Когда каждая ласка острая боль,
Каждый трепет залит кровью,
Когда хрупкое тело ни от кого
Нервной тревоги не скроет.

А ведь это плавится, плавится медь
В груди нежной узкой.

Это в самой первой тюрьме
Самая первая музыка,

И когда наклонилась, как тростник к тростнику,
Какая-то тихая женщина, –
Детство угасло. Но никому,
Никому об этом, застенчивый.

1917

Киев

СТИХОТВОРЕНИЕ БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

Игорю Саблину

Я сын мятежных революций.
Возникни, мать, из тьмы неволь,
И из ветровых изогнутий
Я выпью радость, выпью боль...

Взойди на вышку всех событий,
О, бессудьбинная моя!
Сорвем мы призрачные нити,
Свой ток на мир струя, струя...

Изборожденно небо стаей,
Волнуются людей пути.
И, точно феникс из костра, я
Возник, чтобы Тебя найти.

Но есть в мирах иные жизни,
Но есть движение планет,
Но есть любовь к иной отчизне,
Но есть певец, и есть поэт...

Но есть в безумных вспышках слитность
Неодинаковых сердец,
Есть потрясающая скрытность
Седых веков... И есть конец...

Конец мирам... Но созиданье –
У нас, у нас из тьмы неволь...
Взойди на вышку всех страданий –
Мы выпьем радость, выпьем боль!

Сентябрь 1920
Трапезунд

НОРД-ОСТ¹

Как хорошо, не зная цели,
Зажечь на море зимнем риск
И взор в безумной карусели
Вонзить в Новороссийск!

Январь 1921
Новороссийск

¹ Норд-ост – сезонный ветер, дующий в Новороссийске.

II. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОВ (1921–1939). МОСКВА

* * *

О сердце площади кровавь,
Точи блаженно имя.
Она возникнет, как трава,
И дни мои подымет.

3 апреля 1921

МОНЕ БАМДАСУ

Пусть дозревает теплый и пушистый плод,
Глаза устали сталью ускользать,
И почки детства, девичье тепло
В печаль роялей передать нельзя.

Пусть дозревает теплый и пушистый плод,
До времени любовь затлеет по углам.
А если вздрогнешь ты, что счастье утекло,
Знай: это мыслей и инстинктов мгла.

Пусть созревает теплый и пушистый плод.
Уже взбухает наглость под губой.
И скоро упадет на тонкое стекло
Тяжелый плод, взлелеянный тобой.

Апрель 1921

САМОУБИЙСТВО В ПРОЕКТЕ (отрывки из поэмы)

Свои загадочные выси
Он мог измерить пистолетом.
Свершая путь безумных миссий,
В проулках был он силуэтом.
На площадях во все кареты
Он проникал безумным взором,
Гольфстремом духа не согретый,
Он тек к космическим позорам.
И дни его шипами злыми
Пронзали трепетное сердце,
Но он взлелеял чье-то имя.

.....
Когда Земля от чудной встречи
С какой-то белою кометой
В свой рост, загадочный и вечный,
Вонзила дружбу с пистолетом,
И в организм животно-мудрый
Влилась тоска, влилась тревога,

Тогда в подземных тайных судорогах
Закинулась его дорога.
Весна, Весна – с твоих низовий
Течет тоскливый ряд последствий,
Мое простреленное детство
И отрочества бред и зовы,
Весна, Весна – с высот доступных
Расстреливаешь тайн оплоты,
Но не пойти на совокупность
Заворожившему полеты.
Я только раз поверил ритму,
Я только раз разрезал воздух,
И на весеннюю палитру
Упал свинцовой пулей роздых.
Весна, Весна – в твоих верховьях
Есть перевал, доступный мне лишь,
Зачем же ты со мной не делишь
Неизбранность твоей любви.

Остановив ее карету
Своей несдержанной рукою,
Сказал – безумному поэту
Свою любовь венчать с тоскою
Земля велела. Но позвольте
Мне быть достойным Вашим мужем.
И дрогнула рука на «кольте»...
И на лице метнулся ужас...
Нет. Нет. Законченной орбитой
Не оскорблю земной тревоги,

Простите мне мой бред убогий
И с незначительной обидой.
Она, как факел, пламенела,
Прощупывая все восторги,
А он, закинув волчье горло,
Рыдал. Душа окаменела.
Как виселица одноногая,
Стоит фонарь на перепутье,
Не в обнаженное ль безлюдье
Закинулась его дорога.

Поберегись – не то колеса
В мгновенье кости растасуют,
На табунах разноголосиц
Несет он имя в даль косую.
Там перечерчены зигзаги
И перемечены все встречи,
И там промчавшихся дней загиб
Горячих мыслей зло не мечет.
Но даже там, когда доскачет,
Он имя воплотить не сможет,
И псы зрачков, что жадно гложут
Сухую кость, – опять заплачут.
Поберегись – орут возницы,
Бросая жизни дерзкий вызов,
И в сети лучевых капризов
Трепещет сердце, точно птица.

Еще в мехах по тротуарам
Скользит улыбка Джиоконды,

И вспыхнуло степным пожаром
Прожорливое их знакомство.
Он волчьим воем избалован
И зрячей сталью пистолета,
Она, едва касаясь света,
Как голубя, роняет слово.
И псы набросились на слово
И растерзали насмерть птицу,
По тротуарам кровь струится,
Он волчьим воем избалован.
Когда полночный ангел реет,
Вплетая тихо сны в ресницы,
По тротуарам кровь струится,
Когда полночный ангел реет.
Кого молить, каких велений
Покорно ждать? Кто дни подымет?
И падает он на колени,
Целуя трепетное имя.

Сухие щеки как пустыни,
И нос как сгорбленная птица.
Огонь агоний не застынет,
Но никогда не разгорится.
Позор тому кто...

Кто темным золотом предчувствий
Остановил разлив движений,
Кто воды радостные к устью
Придвинул и не дал паденья.

Кто взорами угольно-злыми
Обкрадывает каждый трепет.
Кто жадно гложет чье-то имя
И угасает так нелепо.

Апрель 1921

* * *

Предчувствую твой сладкий шаг
И в рамки снов себя вправляю,
Но я боюсь, что в злых очах
Сторожевые псы залают.

Но я боюсь, что от костров
Твоих волос займутся ниши
И от пустынных щек простор
Завянет и заляжет, нищий.

Предчувствую твой сладкий шаг,
Полет ноздрей и искры пальцев
И жду волчицею в ночах,
Когда душа твоя оскалится.

28 мая 1921

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

– Душа, это ты? – И снег улыбнулся беззубо,
И матовый голос чуть-чуть отодвинул
портьерные складки тиши. –

– Вы звали меня? – В полярных пустынях безумья
Вы – это жестокое Вы – от родимой души.

– Душа, где найдут наши дети бездомные
ласку уютая?

Они забавляются стрелками звона в степях.

А волки, закинув прожорливо горла, поют и поют,
И круг замыкают уверенно, не торопясь.

Не буду я петь и молить у веков на задворьях,
Я, вырвавший с корнями боли в ночах – до зари.

Замкнулся я, глухо бесчувствие лабораторий,
И через себя пропускаю миры.

Но крылья сердечек невинных так властны,
так властны,

Но пение волчье прогрызло уже потолок.

Душа, я поэт! Никогда, никогда не угаснут
Конвульсий огни – зарожденье мучительных строк.

Но что вы молчите? – и снег улыбнулся беззубо.

И вздрогнули еле портьерные складки тиши.

И к белым полярным пустыням безумья

Я нитками памяти крепко пришит.

Июль 1921

ЗРЕЛОСТЬ

Золотыми днями, как золотым вином.
Но гиацинты-кудри от мудрости редеют.
Там курдов конница, а там шатров огни.
А здесь окрашиваю кровью пальцев дно
Души моей...
Скелеты кораблей как жуткие виденья.
И жвачкой шевелят свой сон безумно дни.
О, мудрость тихая, укрой меня, укрой
Снегами, сединой, улыбкою бескрылой,
Серпами острыми поблекшую траву
Воспоминаний срежь... А имя, имя милой
Из сердца бережно я, как цветок, сорву.

29 июля 1921

* * *

В. Дембскому

О, приоткрой тяжелые портьеры
Моей души.
Уже замерзли лужи крови обывательских
сближений
И рукавами белых кружев,
Прильнув к окну, закрыла мир зима...
О, приоткрой тяжелые портьеры
Моей души.

Уже рыбачит старость
И челноки снуют, морщина гладь лица,
А вечера пиров и откровений,
Оставив якоря тяжелые на дне,
Бог весть, в какие направленья
Исчезли.

О, приоткрой тяжелые портьеры
Моей души.
Уже и ветры
Изнемогли,
И только пальцев хруст
В ночах доносится...

О, приоткрой тяжелые портьеры
Моей души.

20 декабря 1921

* * *

В последний раз – уже не горстью золотой
Бросаю боль
В сердечный перебой.
Здесь на заре камней
Иплюснутая молодость,
А там,
За мессами огней,
Дней,

Где в язвах переулков перепутье –
Там сердца маятник
Раздвинет рубежи,
И в обнаженное безлюдье
Войду и буду жить.

Январь 1922

* * *

Надвинулись туманы на широкий лоб.
– Утраты, – возвестил он тихим лаем.
Зачем же ведрами горячих злób
Друг друга люди поливают?

О, как любил он пряный снег,
Широко раздувавший ноздри,
Когда февральский острый воздух
Уже тянул свой ток к весне.

Еще вчера его глаза вбирали ласки неумно.
Теперь холодная роса
И слезы пса,
И вечер темный
На щеки мертвые падут...

О море, море! Дух в тебе живет
Щенят, покинутых на произвол жестокий...

1922

* * *

Музыка сфер? Веков ужимка?
К чему! К чему! К чему! К чему! –
Когда ты таешь, как снежинка,
Лучась лучами к лучшему.

На высоте, где угасает жизнь,
Ты провела кровавые межи.

Но ты, такая легкая,
Руку алебастровую
Мне подала.
В руке же нет весу.
Глаза твои – факелы
Освобождающей воли –
Глядят в меня: – Верный?

– Да. Верный.

<1922?>

ПОРТРЕТ ПАСТЕЛЬЮ

В душевной мгле ведя
Нежность к порогу зла,
С глазами лебедя,
С бровями, как взмах крыла.

Не гаснут забот костры –
Следы ночей в лице.
О руки, вы две сестры
Тоске-кочевнице.
Из стада зубов-овец
Одна вдруг выбилась.
О, кто же он, душ ловец,
Грозящий гибелью?
Мне нежную матовость
Не суждено стеречь,
Я только брат и гость,
Предтеча огромных встреч.

1925

О, ЕСЛИ БЫ...

Жизнь стиснута. Паузы точная мера
В ответ на разлад бровей.
О, если б, как в детстве, читать Гомера
В ароматной траве,
Думать, что жизнь всегда величава
До глубины волны,
Ждать торжествующего причала
Женщины и войны.

1925

ПОЭТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ (К стихам ПАСТЕРНАКА)

Запах, вспыхивающий, как магний,
Иглы блистание, вводящей яд,
Сооблазнительная ума гниль
И крыльев мука настоящая.
От сердца к ощупи стальные ль проводы?
Путь этот жуток и не изучим,
Когда горячие охлаждаются поводы
И стих рождается во мгле причин.
И снова вспыхивающий, как магний,
Запах аптек и приборев морских,
И в неожиданной строке фрекен Дагни¹
Пролилась слезой невинной тоски.

1926

* * *

Простите талую усталость,
Простите талые сердца.
Нас только горсточка осталась,
Чтоб в этой жизни отмерцать.

Мы жизнь застенчиво приняли,
И строго путь наш был зачат,
Чтоб каждый жест был кровью залит,
Чтоб каждый взор был правдой свят,

¹ Фрекен Дагни – героиня «Мистерий» К. Гамсуна.

Мы все живем во чье-то имя,
Во чью-то душу, чью-то боль,
Во чье-то имя душу выгнув,
Вконец вживаясь в чью-то боль.
Мы, незаслуженно погибнув,
Лишь только шепчем «Бог с тобой»,

Но если талая усталость
В тупик заводит наши дни,
Мы сторожим чужую радость
И зажигаем ей огни.

6 августа 1926

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

1.

На небесной слюде
Разрываются черные стайки птиц.
Нет у душ у людей.
Нет у лиц.

Были орды татар,
А теперь лишь закаты мрачных скул,
Да слепой тротуар
В азиатском лоску.

2.

Пока душевные кроты
Теряют чутье в прогулах,
Боги дичают, как коты,
В сожженных дотла аулах.
Сестра, сестра, как много забот
Таким, как я, недоноскам!
Вот город блюдет торжество суббот,
Струясь азиатским лоском.

3.

Когда душевные кроты
Ведут лабиринты слепо,
Боги переходят на ты,
Выскакивая из склепа.
И по улицам Москвы
Стирают асфальта блики,
Тушат последние светы тоски,
Последние жизни улики.
Благовонно будет гнить
Сердце, в дождях ускользя,
Переползают больные огни,
И дали переползают.

1926

ОСЕННЕЕ

Как легко разрываются стайки
На небесной осенней слюде...
Как легко разрываются спайки
Торопливых сердец у людей.

Ничего, ничего не осталось
(Даже птиц благородней отлет!),
Лишь слепая скользящая жалость
Да обиды расплавленный лед.

В осень – грустные празднества лишних,
В осень – жизнью пропущенный жест,
В осень – горсть одиноких и пришлых
И ушедших в душевный окрест,

Пронести б эту жизнь без утайки,
Не вздыхать на кровавом следе.
Как легко разрываются стайки
На небесной осенней слюде.

1926

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

И миру был подан черный ломоть
Ночи.
И пульсы звенели. Струили копоть
Очи.
Свинцовой тоской на лету убивалось
Слово.
И пламень идей пожирала малость
Снова.

1926

АКВАРЕЛЬ

Среди зеленоватых облачков задумчивостей
Плывет серебряный воздушный шар – любовь,
И никнет мудрость, осыпаясь листьями,
И тонут в золоте нелегкие шаги.
Я этот час нерадостно целую
В проколотое темя нежных фонарей,
Слагаю темное, последнее решенье,
Залитое слезами мостовых.

25 сентября 1927

* * *

Весна начиналась сурово –
Отточенным холодком,
Откалывалась подковой
И вспыхивала звонком.

1927

ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ

Безрадостно утро. Миллионы сердечных клапанов приступили к утренней работе – а я один блуждаю по переулкам и натываюсь на свое непреходящее детство. Ушли силы, медленные караваны сил. Ушли справедливо вслед за тобой. Обескрылены листья. Кружит их ветер. Нависло сердце. И вот уже песнь пробегает по пальцам, горит в глазницах, вбивает гвозди в бровей изгибы и заливается кровью трепещущей птицы в сердце.

Ты выбегаешь, как выбегает кровь из раны, путей не зная. Ты выбегаешь, как выбегает семя горькой мукой в отроческом возрасте, путей не зная. Ты выбегаешь, как выбегают слезы в тревожных снах незримого материнства, путей не зная. Но путь один – всегда к гибели.

Спина твоя согнута, как согнуто копьё. Зачем сгибаются травы, мучимые ветром, зачем сгибаются птицы, мучимые дождем, зачем сгибаются пророки, мучимые Егвой, зачем?

Ноги твои как две тростинки, сгибающиеся в коленках. Уже челнок волнует воду, готова путь меж ними грубый. Как тонкоструйные мечети. И как под тяжестью греха две тонкие свечи из воску.

Видал ли ты озера в часы грозного заката, когда солнце омывает кровь свою в их глуби? Видал ли ты озера в часы ночных возмездий, когда луна раскалывает свою душу в их глуби? Если видал, знай – это глаза ее, моей невесты, далекой и недоступной, как виденья больного ребенка. Кто обрекал их на молчание в роковом строю поющих? Кто обрекал их на жертвы закалываемого барана грешным народом? Кто обрекал их на жизнь и на смерть, на свет и на тьму, на явь и на бред и на безнадежную мольбу временам и душам, кто?

Уста твои оторвались от уст моих, как виноградный плод от грозди, разрывая ткани. Кровавится на них недоношенный поцелуй, и потому походят они на вопиющую женскую рану. Дрожат губы твои и забегают в тупики, как наши пути, дорогая. Дрожат губы твои и извиваются, как гусеница вдоль пожелтевших листьев. Дрожат губы твои, и зияет в них жадность, как лунный свет на губах дюн и океанов.

До тех пор, пока глаза будут томиться за решетками снов. До тех пор, пока ветры будут кочевать на морях. До тех пор пока раскаленные дороги будут жаждать дождей. До тех пор пока тенистые рощи будут тосковать по лучам. – Эта песнь будет желанной странницей в сердцах всех любимых и нелюбимых.

Мы как две планеты, встречающиеся раз в миллионы лет, – и, встретившись на короткое мгновение, мы летим дальше, пламенея и сжигая сердца свои, чтобы через миллионы лет снова встретиться.

Пламенели черные кусты, раздвигались черные горизонты, горела душа черным факелом – о, любимая, ты была со мной, ты охлаждала своим дыханием горящие льды. А теперь тебя нет со мной, и у ног моих валяется бездыханный, обуглившийся труп – утро.

О нежность куполов церковных в предутренний час. О перебегающая круглость от волны к волне. О ветром наполненные паруса любви – груди твои! О ветром сраженный стебелек. О поникнувший цветок, о грустящая птица. О листик золотой у подножья дерева. О тающий снежок на горячей ладони жизни.

Плечи твои, как умирающие птицы, грустны и покорны. Как звездные коромысла, шатки и значительны. Как маленькие лодочки, углы и беспомощны.

Ты ждешь меня, как народы ждут Мессию. Ты жаждешь меня, как нелюбимые жаждут смерти. Ты ищешь меня, как раненый зверь ищет воду. Потому не слитны мы, как две струны на одной скрипке.

Как в прохладных садах вдоль чешуйчатой лиственной тени проносятся солнечные качели – так образ твой мелькает в моих снах и виденьях. Неуловим ты, и просыпалась любовь моя в века, как золотистый песок сквозь пальцы.

Ты захватил меня врасплох и опрокинул, как чашу, полную вина. И потекло вино из моих глаз по

ослепительной скатерти твоей груди, по пушистому коврику твоего живота – так снилось мне.

Лепестком нежнейшего цветка плыла моя ладонь по шелковой глади твоей груди. И вдруг потекли мои пальцы, подхваченные быстрыми горными ручьями вниз с головокружительной быстротой, – и сердце мое перестало биться – так снилось мне.

Всю ночь пьянят меня черные гиацинты твоих волос. Всю ночь волнует меня музыкальная гамма твоих зубов. Всю ночь тревожит меня роковой разлет твоих бровей.

[1928]

БАЛЛАДА О ВЕНЦЕНОСЦЕ

Пропитанные кровью, ползут в ней
Эпохи, мистерии, клятвы.
Над победительницей будней
Стоял пустой распятый
Человек, потерявший профиль.

Влеченьем к катастрофе
Метнула факелы в небо
Душа его... Пламя печати!
Повернут, как боль, выключатель...
«О свет!.. Его нет! И он не был!»

Ушел он. Как рыбка сквозь невод,
Скользнула луна сквозь дверку.

В снегу раздробилась на Множества.
На нем был венец ничтожества,
Но шапкой-невидимкой.

[1928]

ЭПИТАФИЯ

Сыреют инстинкты. Растет на них мох.
В крови уже звезды не светят.
Средь каменных баб отслуживших эпох
Затерян людской силуэтик.

1928

* * *

Как черной ночи сгусток,
К окну прилипла ночи темень...
<Стеклянный смех часов.
Пустеет время.>
В гроб уложив бесшумно тень былого...
Раскалывается пустое слово...
О ночь! О ночь!
Нет безнадежней памяти –
Как паровозов кладбища.
Не ослепив себя, нельзя к крестам идти,
Мерцающих услад ища.

Под безразличия щитом
На страже мира ночь дежурит...
Припоминается с мучительным трудом:
Твои глаза температурят...
О ночь! О ночь!

1928

РИСУНОК УГЛЕМ

Их было двое. Лбов две лиры,
Улыбки горькой два серпа
И скалы скул. И на полмира
Костер из слов, как зверь, горбат.

На их уродливые тени
Упала свежая роса...
Но на мечты, но на виденья
Не упадет уже слеза.

1928

* * *

Проклятье музыке. Она сжимает горло,
Она швыряет тысячи горящих угольков,
Она вздымает страсть, которая покорно
У ног твоих лежит, великая Любовь!

Проклятье музыке! Она как волчья стая –
Свистит слюна и близок лязг зубов.

1928

БАЛЛАДА О РЕВНОСТИ

Иглою проколот
Мозжок фонарей.
Стучит сердца молот
У серых дверей.
Деревья дежурят,
Дежурят века.
Глухим абажуром
Луны – облака.
Кирпичный и древний
Судеб океан,
Союзник деревьям,
Векам, облакам,
Мерцая и мучась
По всем этажам,
Беззвездную участь
Сто глаз сторожат.
Стучит сердца поршень:
Один. Одинок.
Стал тоньше и горше
Улыбки росток.
Опала тревожней
Седьмое окно.

Быть кольцами ножниц
Глазам велено,
Чтоб резать, чтоб рушить
Любви небеса,
Чтоб жалкую душу
Кромсать и кромсать.
Вот слились две тени
В окошке седьмом,
Качнулось мгновенье
Векам напролом,
И выпустил птицу
Из клетки наган.
Не дрогнул кирпичный
Судеб океан.
Спокойно дежурят
Деревья, века,
Глухим абажуром
Луны – облака.

1928

* * *

Тоскливо небесный парус натянут
Пора уж – пора начинать!..
Но грудь горящими плоскостями
Пересечена.
О, други, сердечный компас сломан,
Ушел капитан с корабля...

Уж не окрещу колдующим словом
Грудь твою – земля!
Кто в осень путь свой опять начинает,
Чьи меркнут звезды в дождях?

1928

* * *

Жизнь его была наискось.
Душевно гнулись тополя.
И вот – предсмертная записка,
Последний трюк – и вуаля.

Великолепно и тревожно.
Для всех торжественная боль.
Ах, после <...>¹ можно²

<начало 1930-х?>

ИЗ РЕКВИЕМА

1.

Ты умерла, как умирает детство,
Оставив о себе ночную тишину.

¹ Пробел.

² Стихотворение недописано.

И все твое печальное наследство:
«Мой мальчик, никогда тебя не обману».

Я верю смерти, смерть мне не соперник,
Пусть сохранит тебя на все века...
Я чту тебя, мой друг, мой самый верный,
Прошу лишь только – к жизни будь не так строга.

2.

Лишь ты, ты рвешься вспять.
Ты умерла,
Как жадными губами утра
Сон был выпит весь до капли.
Но о сне осталась тишина
И запах...
Я уеду в приморский и старинный городок,
Где нет больших домов, где в переулках
Кочуют тени, где глаза людей принадлежат
Не им, а морю и зарокам.
Я буду, как рыбак, выглядывать погоду
И ждать улова. Может быть в своей душе
Найду я то, чего ждала ты: откровенность.

3.

...Ты умерла. Зачем же беспокойство
И эта бледность вместо синевы?
У мертвецов брала для жизни свойства,
Теперь берешь ты свойства у живых.

Дитя, дитя, ты даже не согрелась
От пламени решений, прежде чем уйти,
Испуганно глядит в наш мир твоя незрелость
И отстает, и падает в пути...

6. О ЧЕМ ЖЕ ПРОСИШЬ ТЫ?

Умершие не просят. Ты же просишь. Не жалости,
А только позволения заглянуть в запретное.
Ты женщина – и это грустно. Нельзя тревогу пола
К вершинам разума стремить.

Нельзя приливы крови
Приравнивать к морским приливам. Здесь
Перебои ритмов, темперамент. Там
Мудрость и метричность.
Ты просишь памяти о прошлом. Ты боишься,
Что вползет в твой дом волшебная привычка.
О, не бойся. Никогда я не привыкну к жизни.
Я смерть несу в себе – тебя. И время станет мне
Как воздух, как стихи, как сновиденья.

7. ЗАЧЕМ ЖЕ ТЫ КЛЕВЕЩЕШЬ НА СЕБЯ

Наши встречи неуместны.
Я живу, а ты мертва.
Будем мы с тобою честны
И войдем в свои права.
На себя зачем клеветешь,
Муки мертвым не даны.

Даже письма и записки
Потеряли свет и тон.
Мертвецы бывают близки,
Если в сердце есть притон.

Даже любят, даже губят
В пьяном виде мертвецов.
И целуют даже в губы,
В посиневшее лицо.

В сердце нет цыганской песни,
Правды в нем – густа трава.
<Если> мы с тобою честны,
<...> в свои права<...>

1935

* * *

Любовь это лава,
застынет она,
О время!

Завянет, как травы,¹
и сникнет вина,
О время!

¹ Вариант: И сузится право

И ляжет привычка
как пес у крыльца,
О время!

И тусклая спичка
осветит сердца,
О время!

13 ноября 1935

* * *

О, нет, не поверю, что это во мне
Сорвалась с цепей тщета.
Что это под градом колючих камней
Отчаивается нищета.
Я знаю, я вижу в глуби веков
Таких же, как я, чудаков –
Кто пел, кто молчал, кто у светлых колонн
Простертый с проклятьем глядел в небосклон.
Там болью слагался готический гимн,
Там сердце бросали на счастье другим,
Там конницей дикой в пустынных песках
Неслась победительницей тоска.
Кто темное детство пускал на порог,
Кто юность свою от мечты не берег,
Тот в мира тупик попадал, а закон
Судьбинных орбит непреклон.

14 ноября 1935

* * *

Я свободен, как свободно тело
За пределами земного притяжения.
Я не знаю, ты ли улетела,
Или это – сон преображенья.
Как мучительно приподнимал я веки,
Как хотелось крикнуть мне: «помилуй!»
Образ твой я сохраню навеки,
А любовь развею я по миру.

1935

* * *

Я просчитался, прогадал,
Считая правду козырем,
И вот теперь легла беда
Над сумеречным озером.

И вот теперь лишь стаи птиц
Клюют веков молчание,
Да ветер с милых-милых лиц
Стирает очертания.

Да твой неугомонный лоб
Над тихими причастиями,
Да сердца слишком тесный гроб
Неначатого счастья.

Да, может быть, когда-нибудь
В ночи твоё раскаяние.
Жизнь разрывается, как ртуть,
Как мозговые ткани.

[1935?]

* * *

1. О, проклятые сказки, Вы истерзали душу мою!
Взвейся бровь до смычковых пределов, соскочи
сердце мое, вцепись пальцами в гриф, музыкант, мы
по<йд>ем в бурное плаванье за ней, за недосыгаемой,
что маячит у соседнего столика.

2. Плещитесь в берег, утраченные годы, блесни,
тоска, ослепительной пустошью. Разве не колышется
мир в безвоздушном пространстве, и разве не обли-
вается кровью эта маленькая скрипка!

3. Нет глаз у тебя, музыкант – к черту глаза! – они
удел лишь бездарных и любимых, но прочные закаты
скул, но огненная восьмерка глазниц, но догоревшие
костры век... К черту глаза! Ах, колышется скрипкой
мир... Ее нет со мной. Нету и нет. Звенят бубенцы,
караваны сил уходят вслед за тобой... Слышишь...
Медленные караваны сил...

[1935?]

* * *

О, почему не властна смерть над снами?
Дороги в сны не утрамбованы судьбой.
И ты такая дорогая с нами,
И мы неосторожные с тобой!

Дороги в сны всяческие капризны.
В трепещущих руках зажаты их концы.
О, почему не властны сны над жизнью,
Где горько горбятся под горем гордецы?

1936

* * *¹

Чужая и горная, как Тибет,
Не знаю, о чем писать тебе.
Мне странно и страшно –
Но воля есть
К тебе добрести, доползти, долезть.

¹ Другой вариант стихотворения:
Чужая и горная, как Тибет,
Не знаю, как проникнуть к Тебе.
Враждебность дежурит миллионом зрачков,
Молчанье захвачено тенью веков,
И все на прицеле, и все на весу,
Ты сына забыла, его я несусь.
Пытаюсь впитаться пытливым умом
В обычай страны, но как он незнаком.

Мне странно и страшно –
но ум горит,
И вся страна за спиной стоит.
Иные скажут мне, что это мираж ...

1936

ПОРТРЕТ

Вот он, вот он:
Скулы – пламень,
Губ кровавая межа,
Подбородок – серый камень,
Длинный нос острей ножа,
Сжатый злостью лоб в ущербе,
Веки – пепел, а в глазу
Копшатся черви, черви –
И ползут, ползут, ползут.

[1935–1939]

* * *

К жизни ты приговором пришта,
«К высшей мере» социальной защиты.
Но под прищурью прокурора
Наши души и после приговора.
Потому нам – с сухими глазами –
Все пивнушки – судебные залы.

И судейской драпировкой
Плащ резиновый или поддевка,
А размытые хмелем мысли
Оправдательным криком повисли –
Ну а к ночи улик карьером.
О, мой друг – прислонимся к барьерам.

[1935–1939]

* * *

И вот теперь плетешь убийственную нить.
Слезами в тупики совсем загнала веру.
И ничего уже тебе не объяснить,
Как разве пулей револьвера.

[1935–1939]

* * *

Научись из пустого в порожнее
Пересыпать песок в пять минут –
Это дело вполне возможное.
Вот и вся философия тут.

Это больше, конечно, относится
Не к тебе, милый друг, а ко мне,

Когда, хмурия свою переносицу,
Я горю в философском огне.

[1935–1939]

* * *

Ты падаешь... От ночи к ночи...
Ты падаешь на синий снег...
Как в детстве, сердце просит очень,
Чтоб не жесток был человек.
Но он жесток. Еще жесточе
Неумолимая судьба.
Ты падаешь от ночи к ночи,
Как непокорная раба.
Я жалостью не опорочен.
Я мягкостью не заклеюмен.
Ты падаешь от ночи к ночи,
Как сердце в пропасти времен.
Ты падаешь, а это значит:
Быть суждено мне палачом.
Кто над судьбой моей поплачет,
Ты утлым падаешь плечом...
Ты падаешь, почти ребенок,
Раскаиваясь и кляня,
Ты падаешь в ночах бессонных,
Как камень, пущенный в меня.

[1935–1939]

* * *

Ах, падают листья с кленов,
Их ветер несет, несет...
От вежливого поклона
Взлетел до смычковых высот.
Колышется мир скрипкой.
Как мысль о тебе сквозь жизнь,
Прострелен я был ошибкой
В глухом тупике души.
Легла между нами тревожно
Чужая судьба – в океан...
Добро еще, думать можно,
Опустошая стакан...
Добро еще, можно в ветер
Имя твое уронить...
Чтоб не соскочило с петель
Сердце – нужно жить.

[1935–1939]

III. ИЗ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

ФОНТАНЫ СЛОВ – ПРОДБАЗЫ НЕТ¹ МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

На конференции –
И это не реклама,
На продовольственной –
И это не секрет,
Обещано, подписано...
Но, скажем прямо:
Не выдано
Рабочим на «Динамо»...
Ни грамма
Кроличьих котлет.
Обещаны
Прекрасные жилища
Для уважаемых
И вкусных овощей,
Обещаны
Все виды рыбной пищи,
Свиней породистых и жирных
Тыщи
И сотни прочих
Радостных вещей.

¹ Газета «Общественное питание». 1932. № 65. Подпись: Прат.

...Но вот
Прошло уже полгода,
Установилась
Зимняя погода.
И что же мы имеем?
Ах, пока
Лишь раскачался ЗРК¹.
Он,
Соблюдая милый тон
Спас овощей
Две сотни тонн,
Меж тем
Как остальные тыщи
Остались в стуже,
Без жилища.
А свиньи?
Очень жалкий счет
И скудная порода...
А рыбы?
Головой об лед...
Такая уж погода!
Мы чувствуем –
Читатель гневен:
О чем хлопочет этот стих?
О конференциях
В Женеве?
Или о наших –
Заводских? –

¹ Заводской рабочий контроль.

На наших нет ведь
Их сиятельств,
Вралей,
Глядящих в потолок.
У нас –
Даешь ряд обязательств!
Так, значит,
Выполняй их в срок!
Увы, читатель,
Вместе с вами
Скажу –
И это не секрет,-
Что на «Динамо» ...
На «ДИНАМО»
Фонтаны слов –
Продбазы нет.

БУДЬ ДОСТОИН¹

Кто ты – рабочий или колхозник,
Кто ты – учитель или студент?
Нет, ты потомок воителей грозных
В этот решительный, грозный момент.

Будь воплощением их. Будь их достоин.
Стойким, отважным, напористым будь.

¹ «Патриот Родины» (газета 66-й (5-ой Гвардейской) армии). № 177
от 4 августа 1942.

Помни о родине, доблестный воин,
И ничего не прости, не забудь.

Мелким дождем не разбрызгивай гнев свой,
Но собери его в силу одну.
Чтоб на Неве ты ударил, как Невский,
Чтоб, как Донской, ты громил на Дону.

Дни твои трудные, путь твой суровый.
Но ведь испытан наш русский закал.
Разве на Альпах великий Суворов
Смерть даже до смерти не измотал?

Разве впервые безжалостным грузом
Родины беды на сердце легли?
Насмерть стоял и отбросил Кутузов
Орды грабителей русской земли.

Будь же достоин воителей грозных
В этот тревожный, суровый момент
Кто бы ты ни был – рабочий, колхозник,
Или учитель, или студент.

1942

ВЫСОТКА ВОСЬМИ¹

Их много, высот и высоток,
Курганов, холмов и бугров,
Впитавших священные соки,
Героев бесценную кровь.

Без имени, чуждые славы,
Стояли столетья они.
И ждали, чтоб подвиг кровавый
Навеки украсил их дни.

И там, где ложатся снаряды,
Где мужеством дышит страна,
Где слава звенит Сталинграда –
В степях есть высотка одна.

Там грозному натиску стали
И бешенству сотен врагов
Победно противостояли
Лишь восемь советских бойцов.

Там раненых трое героев
Готовили немцам конец,
Таран беспримерный устроив
Из сплава отважных сердец.

Там немцы, объятые страхом,
Как свора избитых зверей,

¹ Патриот Родины. № 215 от 15 сентября 1942.

Глумились позорно над прахом
Советских богатырей.

Пусть местью кипят твои мысли,
В кулак свое сердце сожми!
Взгляни, в беспредельные выси
Поднялась высотка восьми.

Так бейся же, до смерти бейся,
Фашистскую нечисть громи,
Чтоб славой покрылись гвардейской
Родные бугры и холмы!

1942

**КАК СМЕКАЛКИН,
БРАВЫЙ РАЗВЕДЧИК,
ПОТЧЕВАЛ НЕМЦЕВ
ИХ ЖЕ КАРТЕЧЬЮ¹**

Был вызван в штаб Семен Смекалкин,
И так сказал ему майор:
«Отсиживаться в этой балке
В такие дни для нас позор,

Чтоб обеспечить наступленье,
Разведать надо поскорей –

¹ Там же. № 213 от 13 сентября 1943. Опубликовано с иллюстрациями Я. Сатуновского.

К пяти ноль-ноль расположенье
Артиллерийских батарей.

Ведь ты, Семен, боец бывалый
И знаешь всякие пути,
Имеешь опыт ты немалый,
С собой особый взвод веди!»

И вот ползет Семен со взводом
Своих разведчиков лихих.
Ведь не напрасно больше года
Учили маскировке их.

Оставив группу у подножья,
Семен такой ей дал наказ –
Стрельбою немцев растревожить,
Начав тревогу через час.

А сам он с остальными вместе,
Ползет по склону высоты,
То вдруг, как холм, застыв на месте,
То ловко прячьась за кусты.

Мучительно как время длится!
Вдруг воздух дрогнул: тра-та-та...
Услышав залп, вскочили фрицы,
Зашевелилась высота.

Огонь открыла батарея
Но этого и ждал Семен.

Ее стремится поскорее
Он окружить со всех сторон.

Со всех сторон летят гранаты,
Гремит «ура» со всех сторон,
Бегут немецкие солдаты,
Как стая испуганных ворон.

– Теперь нам только закрепиться! –
Сказал бойцам своим Семен. –
Я, слава богу, знаю фрица,
Атаковать нас должен он.

И мины заложив, где нужно,
Чтоб танкам вражьи не пройти,
Бойцы готовить стали дружно
Ходы, окопы и пути.

Когда сообразили стервы,
Что мал смекалкинский отряд,
Решили, подтянув резервы,
Взять силой высоту назад.

Но у Смекалкина орудья
Теперь захваченные есть,
К тому ж смекалкинские люди
Гвардейскую лелеют честь.

Четвертый час атака длится,
Но крепко окопался взвод.

Семен нащелкал столько фрицев,
Что потерял убитым счет.

Вот кончились уже снаряды,
Патроны подошли к концу,
Сквозь горы трупов лезут гады,
Ползут к советскому бойцу.

Вот автомат Семена смолкнул,
Взлетел от мины пулемет.
И, как в степи добычу волки,
Так окружают немцы взвод.

Еще не поздно скрыться в балку,
Спешить бы, диски все пусты!
Но не таков Семен Смекалкин,
Не сдаст так просто высоты.

Чем немцев бить бойцы не знали,
Стреляй хоть комьями земли,
А немцы осторожней стали
И близко-близко залегли.

Летят гранаты, но не точно,
Хоть фрицы ими бьют в упор.
Семен, известный городошник,
Их ловит ловко, как жонглер.

Привычно левый глаз прищуря,
Битками шлет он их назад,

Сметая вдребезги фигуры
Обалдевающих солдат.

Хоть занят был Семен «игрою»,
Успел он приказать бойцам
Орудья вывести из строя
И выбираться из кольца.

Воспользовавшись обалдением
Им оболваненных солдат,
Он сам, скользнув из окруженья,
Вернулся в часть к себе назад.

И выправкой сковав движенья,
Он так майору доложил:
«Разведаль я расположенье...
И батарею истребил».

1943

СЛОВЦО ПРО КОЛЬЦО¹

Слушайте словцо солдатское
Про кольцо Сталинградское.

Шел к Волге пруссак, да попал впросак:
Солона для фрица волжская водица.

¹ Патриот Родины. Рублика «ФРИЦЕМОР». <Январь 1943>. Написано в соавторстве с Я. Сатуновским.

Попал фриц в круг – тут ему и каюк.
Кругом кольцо, а посередке дрянцо.
Сидят без провизии немецкие дивизии,
Сидят и вянут: рук не подымут – ноги протянут.
Петля туже, кольцо уже, фрицу хуже.
Взяли немцев в тиски, рвем на куски,
Режем на части фашистские части.
Спереди капут, сзади капут, кругом капут –
Никуда от капута не убегут.
Фрицу конец – Делу венец.
Медаль Сталинградская – слава солдатская.

1943

ГОВОРЯТ, ДА ГОВОРЯТ...¹

Говорят, что в Сербии
Немцы стали нервные,
Все поглядывают косо
На мосты да на откосы.

Говорят, во Франции
Все забиты станции.
И бегут, как крысы, слепо
Все фашисты после Дьеппа.

Говорят, что в Польше
Фриц не пляшет больше,

¹ Там же. По газетной вырезке номер установить не удалось.

Что гестаповцев-бандитов
Очень много перебито.

Говорят, в Румынии
Даже вши в унынии:
От воинственных румын
Остается хлам один.

Говорят, что в Кенигсберге
Днем и ночью фейерверки,
Все в иллюминации
От нашей авиации.

Говорят, да говорят,
Будто финны кур доят.
Это все могло бы быть,
Только некому доить.

1944

IV. ДРУЖЕСКИЕ И РОДСТВЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ И ПОСВЯЩЕНИЯ

СЫНУ В ГОД ДВАДЦАТИЛЕТИЯ – ДЕВЯТИЛЕТНЕМУ

Растет страна с веселой быстротою,
Растет мой сын – не знаю, кто быстреей.
О солнце наше, солнце молодое,
Еще сильнее им свети и грей!
Ей двадцать лет – стране. Прекрасный возраст!
Роальду – девять... Я люблю ваш рост.
И часто в снах я вижу среди звезд вас –
Таких лучистых, ярче ярких звезд.
Вы оба учитесь весенней звездной жизни,
Счастливые счастливою порой.
Страна проходит курс социализма,
А ты проходишь в школе – класс второй.
За выдумками вслед кипит работа...
Веселье, ловкость, песни и цветы.
На небесах чертят слова пилоты,
А на катке чертишь узоры ты.
Пилотом будешь ты, полярником. Еще бы!
Лишь знания нужны – мечта и смелость есть.
Так крепче, сын, штурмуй все крепости учебы,
Чтоб заслужить отличникову честь.

28 декабря 1937

<О В.И. КОЛТУНЕНКО>¹

Наш ответственный редактор
Проявляет свой характер,
Непреклонный, очень твердый.
Вот уж день, поди, четвертый,
Как с девчатами не дурит,
Как не пьет и как не курит.
Словом, идеала фактор!
На ... такой характер!?

ИЗ ФРОНТОВЫХ ПОСВЯЩЕНИЙ МАТВЕЮ ЭДЕМСКОМУ

1.

Бедный наш Матвей Иваныч
Похудел сегодня за ночь.
Он без брома и без водки
Принял три огромных сводки,
Два приказа, три указа
На различных волнах сразу
Приняты Матвей Иванычем,
Слухом, брюхом, я не знаю чем...

30 июня 1944

¹ Из фронтового письма к Эдемскому.

2. ЭДЕМСКОМУ ОТ ПОЛНОТЫ ДУШИ

Мой милый друг, я ошарашен...
Как танк, сгорел рабочий план.
Опять Пегас втянулся в марши
И тянет с горем пополам.

Я знаю, вождь мой Колтуненко
Меня частит и так, и сяк,
От Хаймовича оценки
Я отсырел и я набряк.

Судьба, судьба! Толстенным задом
Ко мне повернута она...
О, если б ты со мной был рядом,
То ввергнут был бы сатана
По самый пуп... Но я фасадом
Любуюсь только – вкус такой.
Я не люблю бороться с адом,
Я не Эдем'ский, я иной...

И вот сижу белее крейды¹
Верхом на танке, как герой,
Горит мечта о дальнем рейде
И кровоточит геморрой.
Пусть Ральф сочувственно поплачет,
Он знает, что сей подвиг значит.

¹ *Крейда* – место, где добывается мел, меловая ломня.

Я мерзну, словно жалкий цуцки,
В своих сапожках очень куцых (!).
Когда же на смерть поразит
Меня стоногий паразит?
Когда уже мои останки
К вам привезут в разбитом танке?
Когда последний долг отдашь,
В меня вонзивши карандаш?

Слезить тебя не стану больше,
Быть может, будет все не так.
И где-нибудь в прекрасной Польше
Плясать я буду краковяк.
Быть может, проявлю я свойства,
Которых ты не ожидал.

Да так, что моему геройству
Придется отвести подвал.

Надеюсь я, что этот очерк
Напишешь ты, а не другой.
Мне по душе твой быстрый почерк,
Твой стройный почерк, дорогой.

Команда подана – по танкам!
Прощай, мой верный друг, – бегу!
Я покажу им, краковячкам,
Что кое-что и я могу!
Клянусь тебе не осрамиться,
Не запятнать гвардейцев честь!

И порох есть в пороховницах,
И «карусель» в баклажках есть!..

27 февраля 1944¹

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ В РЯЗАНЬ

I

Я вам пишу. Чего же менее
Вы ожидали от меня?
Не хватит, думали уменя,
Терпенья, силы и огня,

¹ Посылая стихи Эдемскому, Пратусевич писал: «Таковы дела. Марш за маршем. Где уж тут работать. Сейчас едем. Пока последняя проверка коробок идет. Я черкнул пару словечек. Предстоит, как видно, интересная операция. Поэтому я не тороплюсь в редакцию. Хочу видеть, чувствовать, осязать. Нельзя сердиться, что не приготовил материалов. Во время маршей это невозможно. Утомлен до чертиков, простужен, чешется... Но сыт и «подкреплен». Моя к вам просьба. Если в 23ей кто-нибудь будет, другими словами, если Левицкий там будет, пусть позаботится о моих сапогах, иначе пропадут. Они у ст. лейт. командира взвода управления (или роты). Буду очень благодарен, если Вы убедите в этом того, кто будет в бригаде. Забота о сапогах! Напишите об этом передовую, тогда уже нельзя будет отказать. Передайте привет майору. Надеюсь, что он уже выздоровел. Во всяком случае мое пожелание ему – скорее освободиться от всех хворостей. Был он очень бледен, когда я его видел последний раз. Уговорите его обратиться к врачу. Это никогда не бывает лишним. Привет также капитану и Левицкому, нашим дамам и всем остальным. Жму руку. М. Пратусевич».

Чтобы с классическим стихом
На музе прискакать верхом
В Рязань... Как мало в этом звуке
Для сердца радостных утех!
Она, как опера «Вампуки»,
Лишь вызывает горький смех...
Но мимо – вот уже поселок,
Цивилизации осколок.
Вот заснеженный элеватор,
Станкозавода корпуса...
Я не поэт и не оратор,
Чтоб описать вам чудеса,
Которые по пьяной лавке
Посеял бог, плюя на главки.
За это, может быть, повесят
Или в газетах заклюют
Меня... Но вот уж номер десять
Мне виден. Я спешу в уют.
«Скажите, здесь квартира восемь?»
И хриплый хор ответил: «просим»!
Слышал я бас Сибирикова,
Любил Михайлова вокал,
Однако низкого такого,
Как эти голоса, не знал.
И оглушенный на секунду
Раскатом трех басов-профундо,
Спросил у одного я робко,
В чьем темном взоре плавал сплин:
«Какой, скажите, тренировкой
Достигли вы таких глубин?»

И, повернув свой мрачный профиль,
Расхохотался Мефистофель.
«Мой друг, – запел он, – поживите
Вы в нашем логове два дня.
Тогда, клянусь вам, захрипите,
Как под ножом хрипит свинья».
Другой ударил по гитаре:
«Эх, поживите! Тари-тари»...
Меня, как видно, непременно
Сразить хотели наповал.
И грянул хор, как у «Ромэна»,
Где я ни разу не бывал.
Вой обезьян, быков хрипенье,
Ослиный крик – вот это пенье!

II

Два дня пробыл я в переделке.
Что толку в этакой безделке?
Вот третий наступил.
На мелочи я тратил нервы:
И ел холодные консервы,
И ничего не пил.
Вода, вода! – Как вздох в пустыне,
Я слышу этот стон и ныне.
Но нем водопровод.
Тепла, тепла! – хотя б на градус,
И то была б какая радость!
Но глух станкозавод.

Возьми ж, мой друг, скорей гитару,
И мы споем с тобой на пару
Про мерзкое житье!
Но ты дрожишь, хотя и в шубе,
Под стук зубов бледнеют губы,
Ты проклинаешь все:
И жар души, что не растрочен,
И тела долг, что не оплачен,
И прочие долги,
Ночные вьюги без подруги,
Когда все члены так упруги,
А мысли так легки...
Я шапку снял. Блеснуло темя.
И я сказал: «Ну, что за племя –
Богатыри не вы!
Плохая вам досталась доля,
Когда б не министерства воля,
Не бросили б Москвы.
Вы долго за Москву сражались,
Надеялись и волновались,
И свет сиял глазам,
Когда под градом резолюций
Хотел Роальд в Москву вернуться,
А попадал в Рязань.
Плохая вам досталась доля,
Вы съели по три пуда соли
Беды, нужды и мук...
Так разверни свою гитару,
И мы споем с тобой на пару,
Мой незабвенный друг!»

III

Зима. Колхозник торжествуя,
Подводит трудодням итог.
Его сынишка, хмель почуя,
С тревогой смотрит на пирог.
Но хватит всем – скажу резонно –
И пирога, и самогона.
Как хорошо, что наш колхозник
Не инженер-специалист,
Что окриков не знает грозных
За каждый штрих, за каждый лист.
А то б в рождественский сезон он
Не услаждался самогоном.
Люблю крещенские морозы,
Овчинный запах и тепло,
Чтобы в уста большие дозы
Муската нежного текло.
(Хоть звезд я в небе не считаю),
Но и коньяк я обожаю.
Когда же мех овцы лишь в грезах,
Тогда, друзья, совсем не то.
Я знаю цену при морозах
Демисезонному пальто.
Оно красиво, но не в силе,
Хотя б вы тысячи платили.
Познал я после долгих странствий
Портвейна главный недочет.
Не ароматен он. Рязанский
К тому же глотку сильно жжет.

Он заменить мускат не может,
А стоит он на рубль дороже.
Что ж остается вам в утеху
В такие сумрачные дни?
Приемник, радиопомехи
И девичьи глаза одни.
Одни ли? В это я не верю,
Хоть не стоял у вас за дверью.
«В здоровом теле дух здоровый» –
Так Леня Губергриц изрек,
Когда Рязанскую корову
Своею страстью он увлек.
Он целовал глаза и вымя
(В мечтах), не спрашивая имя.
Глаза другие, голубые,
Сергея полонили вдруг.
За очи те согнул бы выю
И лег бы молча под каблук.
И бредя этими глазами,
Сергей шатался по Рязани.
Улыбки-взоры Джиоконды
Роальда мучили всерьез,
Проникнув в раны, точно зонды,
И вызывая боль до слез,
Они темнели и светлели.
Но был Роальд далек от цели.
И я когда-то эти взоры
Любил и ими был любим.
Но уберется от позора,
Семейным очагом храним.

Семья – всегда священный храм,
А без семьи и стыд, и срам.
Смеетесь вы над афоризмом,
Но зря смеетесь вы, друзья:
Ведь заниматься гоманизмом
В наш просвещенный век нельзя.
И если есть в нем смысл духовный,
То это вредно, безусловно.
Пробыв два летних дня в Рязани,
Вкусил я в досталь вашу жизнь
И говорю: в чужие сани
Ты даже летом не садись.
Москва Москвой, Рязань Рязанью...
Я ставлю точку. До свиданья.
P.S. Коль вы прочли стихи с волнением,
Я благодарен вам весьма,
Тогда и ждите с нетерпением
Второго моего письма.
В нем о Москве хочу поведать,
Теперь же мне пора обедать.
Отец, приятель, друг, товарищ –
Пожалуй, больше не прибавишь.

Зима 1953

СЕРЕЖЕ МОЛЧАНОВУ

(С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТРЕХ ЗВЕЗДОЧЕК)

Режим постельный.

Тоска. Тоска.

Сосуд скудельный

Без коньяка.

Лежит Сережа

Ногою вверх.

Уныла рожа –

Не смех, а грех.

Судьбу сразила

В момент гроза.

Таз искривила,

Сломала зад.

Режим постельный.

Тоска. Тоска.

Сосуд скудельный

Без коньяка.

Седьмой десяток,

Как груз в сто тонн,

До самых пяток

Сгибает он.

С упорством римлян

Шагай, мой брат,

Хоть таз искривлен,

Хоть сломан зад.

Пусть эти звезды

Рассеют мрак.

Как свежий воздух,
Глотай коньяк.
Режим постельный,
Тоска. Тоска.
Сосуд кудельный
Без коньяка.

18 ноября 1958

ЭПИТАФИЯ (ШУТОЧНАЯ)

Здесь погребен Сергей Молчанов.
Он никому не делал зла,
Его могила, величава,
Высоким хмелем заросла.
Душой – беспечней Диогена,
Умом – свободней, чем Сократ,
Он, не вскрывая в ванной вены,
Закончил путь мудрей в сто крат.
Последний вздох дарил он миру
Легко, с бутылкою в руке,
Держа заветную, как лиру,
Святой почил во коньяке.
Остановись, случайный путник,
И спиртом кровь свою сгusti.
Поверь, от всех тревог минутных
Ты можешь здесь себя спасти.

1958

ПУСТЬ ГОДЫ МЧАТСЯ РЕЗВО

Пусть годы мчатся резво,
Весь путь уж позади,
И, рассуждая трезво,
Куда же нам ползти?
На радость иль на горе
Мелькает огонек.
То манит крематорий
Того, кто одинок!
Пусть мчатся годы резво,
Плевать на них, Матвей,
Смотри ты в корень трезво
И беспробудно пей.
Но поднимая чарку
До самых дальних звезд –
За Лиду и за Марка
Провозглашай свой тост.

1960

ГЛАЗАМИ СЫНА

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, СЕМЬЯ

Марк Михайлович Пратусевич – мой отец – родился 31 января (по старому стилю) 1896 года в г. Белая Церковь Киевской губернии, воспетом Пушкиным в «Полтаве»:

Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.

Белая церковь – древний город, основанный еще Ярославом Мудрым (тогда он назывался Юрьев). После 2-го раздела Польши (1793) значительная часть правобережной Украины, в том числе и Белая Церковь, перешли в состав Российской Империи.

В результате разделов Польши в состав Российского Государства, вместе с населением западных земель – поляками, украинцами, белорусами, вошли тысячи евреев, проживание которых ограничивалось «чертой оседлости». Белая Церковь, в отличие от Киева, входила в эту зону.

Родители Марка были выходцами из Белоруссии. Его отец, Михаил Моисеевич, родился в Новогрудском уезде Минской губернии в 1866 году. Он преподавал в женском профессиональном училище Белой Церкви. Сохранилось Свидетельство о присвоении

ему педагогическим советом Сквирского училища звания учителя начальных училищ с правом обучения своих «единоверцев». Двоюродная сестра Марка по линии отца утверждала, что настоящая фамилия деда Матусевич была превращена при оформлении документов в более редкую – Пратусевич. Он женился на Марии Певзнер, родом из Могилева. Мария была на два года младше своего мужа. Она окончила акушерские курсы, и на ее визитной карточке значилось: «Привилегированная акушерка Мария Львовна Пратусевич». На фото юная Мария очень привлекательна, она была известна всему городу. Умерла от саркомы в 57 лет в 1925 году. Дед умер от рака в январе 1934 года в Ленинграде.

Кроме Марка в семье было еще двое детей: старший брат Ионя (Иосиф, р. в 1894 г.) и младшая сестра Хиля (Рахиль). Ионя характером напоминал мать – энергичный, инициативный, с деловой хваткой и чувством ответственности за близких. Марк унаследовал черты отца – жизнерадостность, образность мышления, беззаботность и обаяние. После рождения Хиля в доме поселилась няня – украинская девушка Марика (Марика Павловна), ставшая по существу членом семьи и сохранившая ей преданность до старости.

Для поступления в гимназию мальчику из еврейской семьи нужна была очень серьезная подготовка, и маленький Марк многому научился, прежде чем стать гимназистом. Учился с удовольствием, много читал. Первый сохранившийся поэтический опыт –

перевод стихов Овидия, написанный в 16 лет. По рассказам отца, на формирование его мировосприятия и характера большое влияние оказывало природное окружение – поэтичность и красота парка Александрия и садов, принадлежавших семейству Браницких, живописная река Рось, протекавшая сквозь городок, катания на лодках с товарищами, уединение в «длинных травах» на берегу... В поисках бальзама от мучительных переживаний перехода от отрочества к юности он читал Гомера и Шекспира. Вспоминая это время, отец писал мне, 15-летнему, с фронта: «Я помню, на траве в тени лежал долгие часы, читал, запрокидывая голову и, следя за караваном облачков, отдавался мечтам и мыслям».

Жизнь стиснута. Паузы точная мера
В ответ на разлад бровей.
О, если б как в детстве, читать Гомера
В ароматной траве,

Думать, что жизнь всегда величава
До глубины волны,
Ждать торжествующего причала
Женщины и войны.

Юность. Революция. Гражданская война

Перед началом Первой мировой войны Марк поступил в Киевский университет на юридический факультет. В 1915 году стал сотрудником газеты «Киевская мысль» (по отделу городского хозяйства):

печатал зарисовки, а в субботних иллюстрированных приложениях – сатирические и лирические стихи. В 1915 или 1916 вместе с эвакуированным университетом попал в Саратов, где организовал издание журнала «Звено»¹. Публиковал в нем лирические стихи. Вышло два номера журнала.

После революции, по возвращении в Киев, в 1917–1918 гг. Марк публикует в «Киевском коммунисте» очерки и стихи.

Весной 1919 г. Марк в составе группы замнаркомпрода Украины Поволоцкого был направлен в Мелитополь, а оттуда командирован в Крым. Находясь в Севастополе вместе с молодым экономистом Сергеем Алексеевичем Молчановым (с которым потом дружил всю жизнь), неожиданно очутился в белогвардейском мешке. Вскоре оба были арестованы местными татарскими властями, но накануне передачи их белогвардейскому командованию сумели бежать и скрылись на восточном побережье Крыма. Поздней осенью 1919 г. отец пробрался в Анапу, а оттуда в Новороссийск. Вскоре подпольный Новороссийский партком направил его вместе с двумя товарищами в районы Туапсинского и Сочинского округов для проведения работы по разложению белогвардейских частей. Облачившись в английские

¹ Ежемесячный литературно-публицистический журнал «Звено» (вышло два номера), издававшийся киевскими студентами (в № 1 есть статья студента историко-филологического факультета Киевского университета, а в будущем известного философа Валентина Асмуса «О природе и задачах музыкальной критики»).

шинели и военные фуражки, он вместе с новороссийским моряком Максом прибыл на пароходе в Адлер и устроился в штаб белогвардейского Солянского полка, а затем был направлен в загородную комендантуру, выдававшую пропуска на выезд – в Грузию, Турцию. Здесь скопилось множество богатых беженцев из Советской России. Рядом, в горах, действовали партизаны, так называемые отряды Крестьянского ополчения. Комендант поручик Жилинский боялся партизан и фактически оставил командовать взводом и бюро пропусков Марка. С помощью денщика коменданта П. Пономаренко отцу удалось склонить солдат взвода – бывших красногвардейцев – выступить против белых, когда поступит команда. Через местного рыбака наладились связи с отрядом партизан и командованием отрядов левозсеровского Комитета Освобождения Черноморья (КОЧ). Ночью 20-го января 1920 г. комендантский взвод (40 человек) во главе с Марком пошел на соединение с партизанами Рощенко и вместе с их отрядом с боями овладел с. Молдаванка и мостом, отрезав белым путь к отступлению. Объединившись с дружинами КОЧа под командованием Е.С. Казанского (будущего комдива)¹ и отрядом рыбаков, бойцы двинулись на

¹ *Евгений Сергеевич Казанский* (1896–1937) – советский военачальник, комдив (1935). В 1918-м году – начальник Школы красных командиров во Владикавказе. Окончил Высшие военные курсы при академии им. Фрунзе, занимая ответственные посты в Красной Армии, был начальником Управления военно-учебных заведений РККА. В 1937 году арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Адлер, освободили его без боя и пополнили свои силы сдавшимися в плен солдатами Солянского полка. Преследуя бежавших белых, отряды Казанского и В.В. Флавицкого заняли Хосту и Мацесту и завязали упорные бои на окраинах Сочи. 2 февраля повстанцы овладели городом. В эти насыщенные событиями несколько дней отец познакомился с военными руководителями повстанческих отрядов – Казанским, М.Д. Томашевским¹, Флавицким², И.Б. Шевцовым³ и политическими руководителями КОЧа – эсерами В.Н. Самариним-Филиповским и Л. Рухадзе. Воен-

¹ *Михаил Дмитриевич Томашевский* (1889 – 1960-е) – терский казак, есаул, георгиевский кавалер. В 60-х годах жил в родной станице Троицкой, где и похоронен.

² *Владимир Викторович Флавицкий* (1896–1937) – занимал командные должности в ходе Гражданской войны на Кубани и Кавказе. В 1924 году, по окончании Военной академии им. Фрунзе, был командиром дивизии Ленинградского военного округа, командовал бронетанковыми частями, публиковал теоретические статьи о роли танковых соединений, был Начальником Научно-исследовательского артиллерийского института и кафедры бронетанковых войск в академии им. Фрунзе. В июне 1937 года репрессирован и погиб. Реабилитирован в 1956 г.

³ *Иван Борисович Шевцов* – коммунист, член руководства Лабинского Совета, военком ряда соединений Красной Армии на Кавказе, один из организаторов освобождения от белогвардейцев Армавира, Майкопа, Причерноморья. В 1924 направлен торгпредом в Эстонию, затем в Латвию и Персию (Иран). Встретился с М. Пратусевичем в конце 50-х. 10 марта 1960 подарил ему свою книгу «Особое задание. (Воспоминания о деятельности причерноморских партизан в 1919–1920 гг.)» (М., 1960) с дарственной надписью: «Дорогому Марку Михайловичу, другу и соратнику по борьбе за власть Советов на Черноморье. Счастлив, что мы еще живы и можем кое-что сказать нашему поколению о тех замечательных днях».

ные прибыли по заданию Закавказского Крайкома Партии, чтобы возглавить силы повстанцев и, не раскрываясь, вывести их постепенно из-под влияния эсеровского руководства. Томашевского – высокого, решительного, умного – повстанцы любили, а худого, пронизательного и властного Казанского – побаивались. Особенно близко сошелся Марк с Флавицким, который казался идеалом революционного офицера: подтянутый, скупой на слова, не терявший самообладания и выдержки в самые напряженные моменты, он был очень образован – свободно владел английским и французским языками.

Казанский и Флавицкий – ровесники Марка: им в 1920 году было по 24 года. Томашевскому было 30 лет.

В середине февраля 1920-го года отец участвовал во взятии Головинки, а 24 февраля в составе батальона Черникова вступил в Туапсе. Будучи избран в бюро окружкома партии (состоящего из пяти человек), занимался организацией гражданской власти и учреждений. Но особенно много забот и волнений выпало на его долю при организации газеты «Фронтвик». Большую помощь в этом деле оказал отцу председатель Туапсинской окружкома партии – любимец Туапсинских рабочих Бугай, а также Казанский, Флавицкий и Шевцов, снабжавшие редакцию военными сводками, комментариями и заметками о политических задачах. Марк и его помощник Альберт выезжали на передовую и со слов бойцов готовили материал для очередного номера газеты. Тираж га-

зеты был небольшим, 250 экземпляров, и выходила она всего месяц (март–апрель 1920).

11 марта 1920 года в Туапсе был созван I съезд фронтовиков, который утвердил решение об объединении всех частей Красной Армии Черноморья и нацелил ее на разгром контрреволюции и соединение с Красной Армией РСФСР. Отец присутствовал на съезде как представитель Туапсинской парторганизации и редактор армейской газеты. Под ударами регулярной Красной армии (8-я, 9-я армии и 1-я Конная) части генерала Шкуро и Кубанской армии белых стремительно отступали в направлении Новороссийска и Туапсе. Несколько десятков тысяч солдат и офицеров Добровольческой Армии Деникина вышли к Гойтехскому перевалу и угрожали Туапсе. Быстро организовав коммунистический отряд под руководством ст. адъютанта штаба Красной Армии Черноморья Л. Гзеля, Бугай и Марк влились в него и заняли позиции у перевала.

После кровопролитных боев и геройской смерти Бугая отряд отступил к Джубге, где 29 марта встретился с головными частями 50-й Таманской дивизии IX Армии. Наступление белых на Новороссийск было остановлено, а части Красной Армии Черноморья по приказу командарма Уборевича 31 марта влились в дивизии IX Армии.

Оставленный 25 марта Туапсе был освобожден 8-го апреля IX Армией; преследуя основные силы белых, отступивших в направлении Грузии, 29 апреля Красная Армия приняла капитуляцию остатков

Армии Деникина и Кубанской Рады в районе Адлера – около 60 тысяч человек во главе с генералами Морозовым и Богуславским.

Но Марк Пратусевич в апреле 1920 г. был вызван в Новороссийск для отчета о своей работе. В это время единственным плацдармом белогвардейцев на Черноморском побережье остался Крым, занятый армией Врангеля. Врангелю, готовившемуся прорваться на просторы Южной Украины и высадить десанты на Северокавказское побережье, помогала Антанта. Через Константинополь в Батум, оккупированный англичанами, шло оружие, боеприпасы, обмундирование, а из Батума через меньшевистскую Грузию – нефть для снабжения Крымской Армии и Флота. Новороссийский окружком РКП(б) и командование дивизии IX Красной армии решили направить в Батум для подпольной работы группу с заданием сорвать снабжение Врангелевской армии. В группу вошли Игорь Саблин – бывший начальник Особого отдела Красной Армии Черноморья, Иван Базыльчук – московский красногвардеец, командир одного из партизанских отрядов – и Марк Пратусевич. «Я вижу кудрявого парня в мягких грузинских сапогах, затянутых под коленями узкими ремешками с серебряными наконечниками, в черных нешироких «галифе», черной сатиновой рубашке со стоячим воротником, туго подпоясанной узким кожаным ремешком с серебряной пряжкой и наконечниками... В Батуме я впервые увидел Марка в студенческой фуражке с голубым околышем, но через несколько

дней он переделался в эту грузинскую униформу и как бы растворился в толпе подобных. В целях конспирации это было удобно», – вспоминал товарищ Марка Таранов¹.

Игорь Владимирович Саблин был одним из пяти сыновей известного московского книгоиздателя и врача и дочери основателя и владельца театра Ф.А. Корша. Старший брат Игоря Юрий в 1917 году возглавлял 1-й Московский революционный отряд, посланный против мятежа генерала Каледина, в 1918 участвовал в левоэсеровском мятеже, был прощен, воевал против Врангеля и Деникина, в 1921 подавлял Кронштадтское восстание, в 1937 году был репрессирован и расстрелян. Игорь студентом участвовал в Февральской революции, был командирован в Киевское большевистское подполье в 1918 году, а затем послан на Кавказ. Человек смелый, образованный, с авантюристическими наклонностями, очень честолюбивый, он временами примыкал то к левым эсерам, оставаясь формально беспартийным, то к большевикам.

Воспользовавшись бланками и печатями, брошенными при паническом бегстве из Новороссийска персонала греческого и польского консульств, Марк и его товарищи изготовили себе греческие и польские паспорта и влились в группу эвакуировавшихся в Батум греческих граждан на двухмачтовой парусомоторной шхуне «София».

¹ Рукописная тетрадь с воспоминаниями И. Таранова хранится в семейном архиве Пратусевичей.

В последних числах апреля, выйдя в море, после захода в Поти третьего мая шхуна прибыла в Батум, и через день Марку удалось уже установить связь с местными партийцами и Совпрофом. После последовавшего 8 мая разгрома партийных и профсоюзных организаций Батума и ареста английскими властями большинства активистов подпольщиков, рассчитывать на срыв снабжения Крыма путем организации забастовок грузчиков и портовых рабочих было уже невозможно. Решили нанести удар по снабжению Врангелевцев жидким топливом, устроив мощный взрыв в нефтехранилище. Батумские подпольщики, выделенные для помощи и связи, помогали доставать взрывчатку, детонаторы, собирать «адские машины». Первая попытка оказалась неудачной. Подложив в темноте самодельный снаряд у основания одного из баков, не успели правильно расположить его, услышав шаги охраны, но подожгли бикфордов шнур. Взрыв не прорвал стенок бака и не вызвал пожар, но всполошил власти. С помощью Ильи Таранова («Ильяса») и юного Петра Чайковского Марк и Игорь познакомились с моряками и узнали о рейсах лучшего на Черном море танкера «Свет», доставлявшего в Крым горючее, и решили взорвать его. Живший в доме семьи Чайковских Прокофий Бараневич – матрос с танкера – согласился пронести самодельную мину на танкер в продуктовой кошелке с зеленым луком, хлебом и другими продуктами, прикрывавшими «адскую машину». Прокофий благополучно пронес кошелку; стоя на вахте, ночью пробрался к цистер-

нам и заложил мину в заранее установленном месте, завел часовой механизм. Затем он увел матросов на берег, якобы для того, чтобы раньше попить чайку. Накануне танкер загрузили топливом и военным снаряжением отряда генерала Драценко. В 7 утра 17-го июня, как и предполагали, внутри «Света» раздался взрыв, в небо взвился столб огня, возник пожар. Спасая от огня пристань и сходни судна, английский миноносец вывел танкер на рейд и пытался потопить его орудийными залпами. Три недели рвались снаряды и горел «Свет», окутывая небо черным дымом. Вся команда была арестована англичанами, в том числе и Прокофий. Но позже большинство было отпущено, а после ухода англичан из Батума грузинские меньшевики на радостях выпустили и Прокофия. Марк и Игорь скрывались в квартире Володи и Лизы Тугуши. 19-го июня отец попытался выехать в Новороссийск на шхуне, но в Потти узнал, что туда можно добраться только через Тифлис, и вернулся в Батум. В Тифлис отправился И. Саблин, чтобы пробраться в Новороссийск – отчитаться и получить средства и задания для дальнейшей работы. Игорь вестей не подавал. Марк и его помощники остались без средств, жили впроголодь. Тут появился Базыльчук – связной группы – и выручил Марка небольшой суммой. По совету Базыльчука Марк, за бесценок купил у двух белогвардейских офицеров дачу в Махинджаури, легализовал себя как домовладельца. П. Чайковский привел скрывавшегося Прокофия на дачу, и тот остался жить как член творческой артели Работников

Искусств, которую организовал Марк. В ее состав входили футуристы Владимир Гольцшмидт и Игорь Терентьев, поэты А. Бодянский, Макриди и др. Эта артель находилась под покровительством министра просвещения Грузии. Футуристы Гольцшмидт и Терентьев заслуживают небольшого отступления.

Владимир Робертович Гольцшмидт (1891–1957)¹ – литератор, художник, гипнотизер, йог – был человеком атлетического сложения, необыкновенной физической силы. Он называл себя «футуристом жизни», в 1917 году основал вместе с В.В. Каменским «Кафе поэтов» в Настасьинском переулке в Москве. Читал лекции о духовной жизни и физическом развитии современного человека, демонстративно ломал толстые доски и кирпичи на голове. Как вспоминал И.Г. Эренбург, в 1918 году он решил поставить себе памятник на Театральной площади, статуя была гипсовая – изображала голого Гольцшмидта. Статую вскоре разбили. В 1917–20 гг. Гольцшмидт выступал с лекциями и сеансами в Крыму и на Кавказе, Урале, в Поволжье, Сибири, на Дальнем Востоке и в Китае. В 1919 году в Петропавловске-на-Камчатке он издал книгу стихов и манифестов «Послания Владимира жизни с пути к истине».

В 1920 году Гольцшмидт прибыл в Батум в сопровождении вывезенной им из Петропавловска юной красавицы-камчадалки Мирры и нашел пристанище

¹ См. о нем: *Наталья Андерсон*. Авангард как тело и представление: Случай Гольцшмидта // <http://gloomov.livejournal.com/337142.html>.

на даче в Махинджаури. Забегая вперед, скажу, что в 20-х, 30-х годах он появлялся у нас дома в Москве. Умер в Ташкенте в 1957 году.

Игорь Герасимович Терентьев (1892–1937) – поэт, драматург, режиссер, критик. В 1914 году закончил юрфак Московского университета. В 1916 году женился и приехал в Тифлис, в 1918 году вошел в группу «41°», объединившую «левобережных» футуристов, проповедовавших «заумь как обязательную форму воплощения искусства». Сотрудничал с А. Крученых и Зданевичем, выпустил сборники стихов. В 1920 году оказался в Батуми и входил в артель деятелей искусства, живущих на даче в Маханджаури у Марка. В 1922 году выехал в Константинополь, пытался попасть в Париж и возвратился в Москву, а затем в 1923 году переехал в Петроград, сотрудничал с К. Малевичем. С 1924 года посвятил себя режиссерской деятельности. Ставил пьесы. Работал в Красном театре, в экспериментальном Театре Дома печати. В 1931 году был арестован в первый раз. Организовал театральную студию на строительстве Беломорканала. Был досрочно освобожден в 1933 году, поехал на строительство канала Москва–Волга. В мае 1937 года повторно арестован как «участник контрреволюционной террористической организации». Расстрелян в Бутырской тюрьме в том же году.

С уходом англичан оживились аджарские националисты во главе с Кескин-Заде, готовые примкнуть к Турции или Советской России, лишь бы противостоять Грузии. Однажды к Марку прибыл представитель

генерала Термена – бывшего царского резидента в Трапезунде – и стал его уговаривать вступить в переговоры с Кескин-заде, чтобы склонить его на Советскую сторону. Генерал писал, что он не с большевиками, но готов на все, чтобы Батум стал русским. Отец встретился с Кескин-заде и понял, что, прежде всего, ему нужны большие деньги на приобретение оружия. Марку удалось встретиться с приехавшим из Тифлиса представителем Советской России Старком, который дипломатично советовал не рвать связи, но и подарка для Кескин-Заде не дал. Позже Марк узнал, что в это время особоотрядовцы ищут какого-то московского большевика Марка Саблина (?), скрывающегося в Махинджаури. В тот же день отец выехал в Батум, нашел Старка, узнал от него, что Саблин находится в Трапезунде, и взял у Старка 10 лир. С помощью знакомых моряков он устроился на фелюгу, отходившую в Трапезунд и Константинополь, под видом артиста, убежавшего из Советской России. При высадке в Трапезунде его задержали турецкие жандармы и повели в город. Но по дороге Марк увидел Саблина, окликнул его и после его вмешательства был отпущен жандармами. Со дня отъезда Игоря прошло около четырех месяцев, но он не счел нужным сообщить о себе оставленным в Батуме товарищам и прислать какие-нибудь деньги на их отъезд. В Трапезунде Марк пробыл с сентября 1920 по январь 1921 года. Особой конспирации там не требовалось, поскольку РСФСР и Турция были в те дни союзниками в борьбе с Антантой за национальное освобождение. В конце

сентября из Новороссийска в Трапезунд прибыл Ильяс (Илья Таранов) и тоже неожиданно встретил Саблина. Вот как Таранов описывал эту встречу 50 лет спустя: Саблин «одет был по последней моде того времени: штиблеты, обмотки серого цвета, английские защитные бриджи, рубашка, заправленная в бриджи, а из часового кармашка торчала рукоятка громадного автоматического пистолета «Парабеллум», не хватало только черной повязки через глаз, красной косынки на голове. Крепкие рукопожатия, возгласы изумления – и я в кафе, а там Марк! Опять бурные эмоции...»

В Трапезунде Ильясу запомнились обеды в ресторане по три раза в день и бесконечные диспуты и споры по вопросам литературы и особенно поэзии между Марком и Игорем. Вскоре их пути с Игорем разошлись: Саблин, Михаил Беленький и еще несколько человек уехали. («Взяли курс на авантюры» – как вспоминал отец). А Марк и Ильяс, опасаясь турецкой жандармерии, в январе 1921 года отправились в Батум на шхуне «Эстония». Тайно, высадившись недалеко от Батума, они разошлись, пробираясь каждый на свою явочную квартиру. Через несколько дней Марк на фелюге добрался до Новороссийска и был направлен в Ростов, а затем в Москву. Ильяс, выполнив свое задание, возвратился в Трапезунд. В Москве Марк снова встретил Саблина, который вел переговоры с Яном Берзиным, руководившим тогда разведывательной работой. На встрече с Марком Берзин предложил ему карт-бланш: продолжить работу за

рубежом, либо «кабинетную» работу в Москве. Отец правильно оценил обстановку – гражданская война кончилась, наступило время мирного строительства и учебы. Что делать за рубежом? Стать профессиональным разведчиком? Это его не привлекало, и он решительно отказался. Марка направили в прессбюро Профинтерна.

Так закончился, может быть, самый насыщенный событиями период его жизни. Ему 25 лет. Юность миновала. Он оказался человеком храбрым, неплохим организатором, быстро ориентирующимся в сложной обстановке, легко сходящимся с разными людьми – будь то утонченные интеллигенты или простые рабочие, рыбаки, коммунисты-подпольщики или белогвардейские офицеры. В основе – неподдельный интерес к людям, к жизненным коллизиям, культ нерушимой и бескорыстной дружбы. В Москве он пишет много стихов, в которых слышатся отзвуки событий и переживаний прошедших трех лет.

Между Гражданской и Великой Отечественной (1921–1941)

Приехав в незнакомую Москву в начале 1921 года, Марк неожиданно встретил на улице старшего брата Иосифа (Ионю), которого не видел 7 лет. Мировую войну он провел в Швейцарии, где учился. Приехав в Москву после Февральской революции, он быстро освоился и в гражданскую войну был начальником

снабжения (или тыла) одной из Красных Армий, действовавших на Южном фронте. В своем вагоне он привез Леонида Утесова из Одессы в Москву. В 1922 году он уже был одним из руководителей Николаевской (Октябрьской) железной дороги (Москва – Петроград) и перебрался в северную столицу.

Весной 1921 года в ресторане «Метрополь» Марк познакомился с Софьей Марковной Фрумкиной и вскоре женился на ней. До сих пор у Марка не было мыслей о женитьбе – бурные события, частые переезды. Отец рассказывал о романтической встрече летом 1916 года во время студенческих каникул «со степной девочкой» Сашей. Он нанялся репетитором в ее семью, в каком-то поселке в Казахстанской степи. Несколько дней влюбленности, разлука, переписка, встреча через 20 лет... Эти события легли в основу его неопубликованной новеллы «Встреча» (1935). В 1917–1919 гг. в Киеве дружил с сестрами Черток – Лизой и Фридой. Лизе читал, а иногда и посвящал свои стихи. Находясь на Кавказе, в Турции, в Москве посылал ей их. В 30-е – 40-е годы они изредка переписывались: она – из Палестины, где стала художником¹, а он из Москвы и даже с фронта (1944). После смерти Марка в 1964 году Лиза прислала нам несколько его стихотворений, которые бережно хранила.

Софья была дочерью книгоиздателя и фабриканта М. Фрумкина, ее мать была образованной женщиной, много путешествовала до Революции, собирала произведения искусства. Софья владела несколькими

¹ Елизавета Герасимовна Абрамзон.

европейскими языками и работала переводчиком в военной академии¹. Марк получил жилье в доме, где жила семья Фрумкиных – в Гусятниковом (Большевикском) переулке близ Мясницкой. Летом 1922 года родился сын Юрий. Брак не был удачным: через 3 года Софья оставила семью и отправилась в Китай переводчиком при военном специалисте. Марк тяжело переживал семейную драму. Впоследствии в одной из автобиографий, составленной в конце 50-х годов, он писал, что в 1925–1926 гг. пережил острое нервное заболевание, выведшее из строя и из партии. Видимо, это последнее обстоятельство в 30-е годы спасло его от репрессий, которым подверглись многие его товарищи по Гражданской войне. Сохранился секретный документ 1930 года, направленный в редакцию «Гудка», где тогда работал отец, и где, очевидно, проводилась очередная «чистка». Документ подтверждал, что «М.М. Пратусевич в 1919–1921 г.г. выполнял особые секретные задания Реввоенсовета с риском для жизни и проявил себя преданным борцом за Советское дело», и был подписан т. Волей, бывшим

¹ В юности она занималась в «Кружке Радости», руководимом поэтессой В.Г. Малахиевой-Мирович. Вот как описана она в дневнике О. Бессарабовой: «Ей всего 16 лет, но она уже самостоятельно путешествовала за границей и живет “как хочет”, в противовес своей очень буржуазной семье»; революционной весной 1917 г. «серьезно, настойчиво и компетентно говорила о необходимости теперь же, не теряя времени, взяться за ликвидацию “Хитрова Рынка”» (Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники (1915–1925) Ольги Бессарабовой. М., 2010. С.133, 174).

зам. начальника Особого отдела РВС¹ (в марте 1940 г. бригадный комиссар Михаил Яковлевич Воля был расстрелян как участник контрреволюционного заговора. В 1957 году он реабилитирован).

В 1922 году Марк поступил в Ломоносовский институт на механико-математический факультет. Сколько лет он проучился – мне неизвестно. Математику знал он неплохо, помогал мне в школьные годы решать задачи. Вообще был образован гармонично: гуманитарные и естественно-научные знания удачно сочетались. Вначале в Москве Марк общался с земляками из Белой Церкви и Киева, а также с товарищами по гражданской войне – братьями Дынниками – Валентином и Михаилом², И. Бачелисом – журналистом³, В. Дембским – композитором, Моней и его сестрой Нюрой Бамдасами (Моня был литератором, переводчиком пьес для театра⁴). Возобновил дружбу с Сергеем Алексеевичем Молчановым, который уже читал лекции, писал книги по экономике элек-

¹ Революционный военный совет республики (РВС, РВСР) – высший коллегиальный орган управления и политического руководства Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА) в 1918–1934 гг.

² *Дынник Михаил Александрович* (1896–1971) – философ, исследователь Гераклита. Член-корреспондент АН СССР (1958).

³ *Бачелис Илья Израилевич* (1902–1951) – писатель, журналист, кинодокументалист.

⁴ *Моисей Маркович Бамдас* (1896–1959) – поэт, журналист. М.А. Кузмин написал предисловие к первой книге стихов Бамдаса «Пред-рассветный ветер» (Пг., 1917) и посвятил ему рассказ «Слава в плошевой рамке» и стихотворение «Ведь это из Гейне что-то...». См.: Моисей Бамдас. Надежды символ: Стихи из дневников, 1915–1958 гг. / [Предисл. Н.А. Богомолова]. М., 1994.

трификации, позже работал в ВСНХ. Встретился с Саблиным, сменившим чекистскую деятельность на журналистскую, вместе они начали работу над рукописью романа «Дело Эрбэ и К°», в основу которого положили сюжеты их совместной деятельности на Кавказе и Турции.

По мере расширения литературной работы у Марка появились новые знакомые и друзья. В 1921–1923 гг. он работал в Прессбюро Профинтерна, с 1923 по 1927 гг. сотрудничал с Радиоуправлением, готовя для вечерних радиопередач злободневные стихи, частушки-«агитки». В 1924-м самый массовый журнал «Смена» напечатал их с Саблиным роман (№№ 1–8)¹.

В том же году Марк публиковал рассказы в журнале «Борьба миров»², где познакомился с поэтом-авангардистом («фуистом») и автором романа-фантазии «Заговор Мурман-Памир» Борисом Николаевичем Перелешиним, дружбу с которым поддерживал – до внезапного исчезновения Перелешина в 1938 году.

В 1925 году Марк печатал фельетоны в «Красном перце», где познакомился с братьями Валентином Катаевым и Евгением Петровым. Встречается с

¹ И. Саблин перевел (совместно с В.Ф. Корш) книгу впечатлений Джона Рида «Вдоль фронта» (1928), был арестован и – с перерывами – провел в лагерях около 30 лет. После реабилитации он с Марком активно занимался восстановлением документов 1919–1921 гг. и публикацией воспоминаний о тех делах. Некоторые главы романа «Дело Эрбэ и К°» см.: http://sergeyhry.narod.ru/smena/smena1924_02_13.htm.

² «Расстрел Стрельбицкого» (№ 1 и 2), «Документы СССР» (№ 3).

Владимиром Гольцшмидтом, Николаем Асеевым и Владимиром Маяковским, живущим поблизости в Водопьяновом переулке (с Маяковским иногда играл в бильярд и в карты).

В 1927–1929 годах Марк публикует очерки и фельетоны в «Огоньке», «Батрачке», «Чудаке», «Крокодиле». В 1928-м помещает статьи и рецензии в журнале «Читатель и писатель»: на «Зависть» Ю. Олеси, «Я жгу Париж» Б. Ясенского, «Бруски» Ф. Панферова, «Из Москвы на Корсику и обратно» Е. Зозули, «Дневник Ал. Блока» и другие книги.

В 1925 году он знакомится с двадцатидвухлетней Розой Гевенман, недавно закончившей 1-й МГУ по специальности «музейный работник». В их жизнь входит любовь. Марк посвящает ей стихи, рассказывает о своих романтических приключениях в Крыму, на Кавказе и в Турции в годы гражданской войны (в несколько завуалированной форме: он связан обязательством не раскрывать подробности секретных операций). У Розы обнаруживается болезнь легких, ее отец везет дочь на лечение в Ялту. Но болезнь продолжается, и старшая сестра Розы Рахель, перебравшаяся в 1922 году в Палестину, высылает ей и матери необходимые документы для поездки в эту страну. Климат, обилие винограда и фруктов способствуют затуханию процесса. Проведя в Палестине полтора года, она весной 1927 года возвращается в Москву, а в начале 1928 года Марк и Роза женятся. В декабре у них рождается сын Роальд, автор этого повествования. Марк продолжал работать в журналах, разъезжал по

стройкам, печатал бодрые статьи, стихи, фельетоны. В 1929–1931 гг. сотрудничал с журналами «Чудак» и «Гудок». В «Гудке», редакция которого помещалась на Солянке в огромном Дворце Труда, Марк влился в большой коллектив литераторов и художников, авторов знаменитой сатирической «четвертой полосы» газеты. Среди знакомых и друзей отца были В. Катаев, Е. Петров и И. Ильф, К. Паустовский, М. Булгаков, Ю. Олеша, Л. Славин, И. Бабель, С. Гехт, художники Н.В. Кузьмин, М.А.Ф. (родной брат И. Ильфа – Михаил Арнольдович Файнзильберг), Д.Б. Даран, С.Н. Расторгуев. В. Катаев жил недалеко, в Мыльниковом переулке, и они с Марком ходили друг к другу в гости. Сестра жены Катаева послужила прообразом Элочки-людоедки. Ильф и Петров в то время (1930–1931) сочиняли роман «Золотой теленок» и читали сотрудникам «Гудка» отрывки только что написанного текста.

В конце 20-х годов к отцу в квартиру иногда заглядывали Борис Пастернак с женой, Борис Лапин и Захар Хацревин, Владимир Маяковский и «туземка» Мирра (камчадалка, вывезенная в 1919 или 1920 году В. Гольцшмидтом через полмира и Турцию в Батум, откуда в Москву ее доставил Марк). За ней ухаживали многие, она нравилась Маяковскому, но женился на ней Владимир Секторов – инженер-переводчик. С этой семьей Марка и Сергея Молчанова связывали дружеские отношения. Познакомился Марк и поддерживал приятельские отношения с Сергеем Александровичем Бондариним – писателем-одесситом, дру-

жившим с Эдуардом Багрицкими, Семеном Гехтом. Бондарин писал стихи, рассказы, очерки. Во время Отечественной войны служил при Политуправлении Черноморского Флота, но в конце войны был арестован и приговорен к 8-ми годам лагерей за «антисоветскую агитацию». После XX-го съезда появился у нас в доме в морском кителе и тельняшке.

Марк навещал замечательную женщину – скульптора Н.И. Нисс-Гольдман, которая жила недалеко на Мясницкой (ул. Кирова) «в доме со львами» (д. 15). Однажды она вылепила бюст Марка. В 80-е годы, когда Марка уже не было в живых, она предложила Розе, с которой она была хорошо знакома, взять этот бюст, выполненный в авангардной манере. Мама взяла, но он куда-то пропал. Нина Ильинична жила почти сто лет. В юности она в Париже дружила с Пикассо и Модильяни. Среди ее работ есть прекрасный бюст К. Паустовского. Дина Рубина сделала ее прообразом героини своей повести «На Верхней Масловке». В одноименном фильме этот образ воплотила Алиса Фрейндлих.

Как я уже упоминал, заходил к отцу Борис Пастернак. На мой взгляд, влияние его поэзии прослеживается в некоторых лирических стихотворениях Марка 20-х годов. А стихотворение «Поэтический момент» (1926) снабжено подзаголовком: «К стихам Б. Пастернака». А в стихах-агитках слышится голос «агитатора, горлана, главаря» В. Маяковского.

В первые годы после женитьбы – годы счастливой семейной жизни – мамыны друзья стали и друзьями

отца – художник, ученик Коровина, Борис Сергеевич Берендгоф и его жена Лиза Шуб, Вера Василевская и Елена Мень (в будущем тетя и мать о. Александра Меня), Наталья Мальцева – искусствовед и коллега Розы по работе в ГМИИ им Пушкина.

В 1934–1935 гг. постепенно отношения между родителями стали разрушаться, и Роза стала отдаляться от Марка. Разлад отношений проходил на фоне частых командировок отца и ухаживаний его приятеля И.Ф. Кунина, который был влюблен в Розу еще до ее знакомства с Марком. В 1935 году Роза ушла в семью Куниных, а в 1936-м у них родился сын Миша. С уходом жены любовь отца не ушла или не сразу ушла – и он очень страдал, что можно понять из стихотворений 1935–1936 гг. Вот одно из них:

Я свободен, как свободно тело
За пределами земного притяженья.
Я не знаю, ты ли улетела
Или это сон преображенья.
Как мучительно приподнимал я веки,
Как хотелось крикнуть мне:
«Помилуй!»
Образ твой я сохранию на веки.
А любовь развею я по миру.

Я, семилетний сын, остался с отцом, за мной ухаживала Лидия Ивановна Чернобурова – няня, а впоследствии член семьи. Мама, живущая поблизости, забегала ко мне почти каждый день, а лет в 8–9 я сам навещал ее и младшему брату. В семье

Куниных ко мне относились тепло. Осенью 1939 года Марк и Роза помирились и в дальнейшем наладились дружеские отношения, но опять менять жизненные пути не стали.

Отец, которого я очень любил, оказывал на меня большое влияние и уделял много времени. Он брал меня с семилетнего возраста на футбольные матчи, и я, как и дядя Ионя, стал болеть за «Спартак». Возвращались со стадиона «Динамо» пешком до станции метро «Белорусская» в компании Юрия Олеси, журналиста Семена Нариньяни и других приятелей-болельщиков. Водил меня Марк на каток, общался я с его друзьями: Б. Перелешиним, жившим недалеко в Телеграфном переулке, С. Бондариним, Б. Берендгофом и Л. Шуб, Миррой и Володей Спекторовыми.

Запомнились мне визиты Гольцшмидта – на кухне нашей коммунальной квартиры он прилюдно сворачивал пятаки в трубочку. Но особенно часто мы встречались с Сергеем Молчановым и его женой Тамарой: катались на лыжах по Москве-реке, посещали парки, участвовали в застольях и играх. В 1936–1938 гг. снимали совместно дачи около станции Валентиновка Ярославской железной дороги.

В начале 30-х годов, когда начались процессы «Промпартии», «меньшевиков» и т.п., Сергея Алексеевича Молчанова арестовали и обвинили в сокрытии меньшевистских архивов. Подвергали пыткам, требуя, чтобы он оговорил себя, держали босиком на льду по несколько часов, имитировали расстрел и били. Но Сергей был нестигаем. Роза, уверенная в

полной невиновности этого человека, ничего не понимая в политике, пренебрегая опасностью, попала на прием к И.С. Акулову – Прокурору СССР, бывшему зампреду ОГПУ. Она убедила его, что дает «голову на отсечение», но этот человек не виновен. Акулов, старый большевик (в 1937 г. его расстреляли), посоветовал ей обратиться к только что назначенному своему заместителю А.Я. Вышинскому – «ему необходимо делать карьеру, и он может быть вам полезен». Невероятно, но это сработало. Вышинский распорядился проверить материалы следствия, и Сергея выпустили, но не реабилитировали тогда: он не имел права проживать в Москве и других крупных городах. Он нелегально прибывал к нам и жил у нас несколько лет – с перерывами.

В 1940 году отец со мной и Сергей с Тamarой отдыхали на Черном море – в Лазаревской. При посещении Сочи и Адлера Марк что-то рассказывает Сергею, указывая на отдельные дома, мосты, но я не прислушиваюсь, мне невдомек, что он вспоминает события 1920–1921 гг. Почти сорок лет отец не мог рассказать полную правду про те годы своим близким. Иногда он в туманной форме излагал отдельные эпизоды в виде новелл или рассказов – о как будто других людях. И Роза и некоторые близкие и друзья считали, что отец немного фантазирует, что это нечто придуманное. И только после XX съезда партии, когда вернулись из лагерей еще живые действующие лица, и утратили секретность их деяния, появились воспоминания в газетах, книги, музеи обратились

к ветеранам с просьбой присылать материалы, раскрыли архивы. Вот тогда – в конце 50-х – начале 60-х годов прояснилась общая картина тех событий. И оказалось, что Марк даже приуменьшал свою роль в той истории.

Но вернемся в 1939 год. В апреле Марк должен был поехать от «Литературной газеты» на Всемирную промышленную выставку в Нью-Йорк и даже взять меня, десятилетнего, с собой. Но в последний момент поездка сорвалась. Зато осенью он был приглашен в Ереван на юбилейные торжества, посвященные 1000-летию героического эпоса армянского народа «Давид Сасунский». На обратном пути (в Ростове) отец был обворован, но роскошное издание «Давида Сасунского» с цветными иллюстрациями Ерванда Кочара и бутылку коньяка 40-летней выдержки из знаменитых Шустовских подвалов он довез. В октябре 1939 года, вслед за Ереванскими торжествами, в Москве открылась декада армянского искусства и литературы, в которой Марк принимал активное участие как переводчик и критик.

В предвоенные годы отец часто меня брал с собой в Клуб Писателей. Там проходили замечательные вечера в уютной камерной обстановке. Молодой Иракий Андроников изображал присутствовавших, включая маститых Алексея Толстого, Самуила Маршака, Корнелия Зелинского и даже некоторых дам. Владимир Яхонтов читал Есенина и Маяковского, Дмитрий Журавлев – Пушкина. Бюльбюль (оглы Мамедов) пел восточные песни и брал такие верхние

ноты, что дух захватывало. Выступали Эмиль и Лиза Гилельсы, Давид Ойстрах, Владимир Софроницкий и др. Все это врезалось в память 11–12-летнего мальчика. Отец в бильярдной знакомил меня с знаменитыми тогда людьми. Помню мое удивление – Алексей Толстой просил в бильярдной одолжить ему денег.

Помню, что отец наизусть читал стихи О. Мандельштама и М. Цветаевой, о которых в печати тогда не упоминали, отрывки стихов Саши Черного, читал вслух рассказы Пушкина, повести Гоголя, рассказы и повести Э. Хемингуэя, которые печатались в журнале «Интернациональная литература». Дома отец и старший брат Юра соревновались в чтении стихов Маяковского и Пушкина, изображая, как эти стихи читают В. Яхонтов, Д. Журавлев и В. Качалов. Марк часто приносил мне приключенческие книги с золотыми тисненными переплетами издательства Детгиз. Отец приносил много книг, часто у него брали и не отдавали – так что у нас на полках книги все время менялись. С той поры у меня сохранилось два десятка отцовских книг – преимущественно стихи поэтов, изданные в 1915–1930 гг.

Война. 1941–1945

И вот грянула война. Утром 22 июня 1941 года мы направились в район Арбатской площади к дяде Ионе. По дороге услышали речь Молотова. Тут же, на площади, образовалась очередь в Сберкассу.

Радость мальчишек, воспитанных на фильмах «Если завтра война» и «Первый удар» и ожидающих победное наступление Красной Армии на Берлин в первые же дни. А вместо этого – грозные сводки Советского Информбюро об отступлении. Помню жаркий день 3-го июля, асфальт плавится под сандалиями на Кировской улице, напротив «дома Корбюзье» репродуктор доносит дрожащий голос Сталина: «Дорогие братья и сестры...». Затемненная Москва, учебные воздушные тревоги, спуск в метро и бомбоубежище... А через месяц первый воздушный налет на Москву...

В конце июля я с семьей дяди Иони в теплушках отправился в Пензу. В Пензе непривычно плохой быт, нервная обстановка в семье и я пишу маме грустные письма. Роза с семьей Куниных эвакуирована в деревню под Павловым на Оке. Невероятным образом Роза в конце сентября добирается до Пензы и забирает меня с собой. Далее нас на барже по Оке отправляют в Горький – а оттуда, уже в ноябре, в г. Сарапул на Каме – в Удмуртию. Незадолго до моего отъезда отец приезжает в командировку в Пензу на несколько дней: он выпускает «Окна ТАСС», утешает меня, мы много о чем-то говорим и прощаемся, как оказалось, на 4 года: в следующий раз я увидел его в октябре 1945, когда он после войны демобилизовался и вернулся домой.

Марка призвали в армию в январе 1942. Ему 46 лет. Его направили сначала в лагерь под Пензу, а затем в город его юности Саратов, в газету формирующейся 66-й армии «Патриот Родины», где он организовал

сатирический отдел – сначала в звании рядового бойца, а потом – офицера. Пишет ежедневно, но бойцы с нетерпением ждут воскресных номеров, где печатается «Фрицемор». Пишет нам в Сарапул, что в его «сети попалась недурная рыбка. Художник по должности, поэт по призванию, мл. лейтенант по званию и философ по существу. Славный малый. Трижды уже был на фронте, тяжело ранен и легко живет. Ленив в быту немного больше, чем я». Это о Якове Абрамовиче Сатуновском (литературный псевдоним – Ян Сатуновский), с которым был под Сталинградом, на Курской дуге, в Харькове и только осенью 1943 года они расстались – отца перевели в другую армию – танковую. Но об этом позже.

В начале августа Марк и Яша в составе 66-ой армии прибыли на фронт севернее Сталинграда. В конце августа 1942 года армия выдвинулась к Волге и в ожесточенных боях попыталась уничтожить немецкие войска, которые захватили десятикилометровый коридор, отделявший нашу армию от северной части Сталинграда. В конце октября командующим 66-й армией был назначен генерал Жадов, который оставался в этой должности и после переименования армии в 5-ю Гвардейскую. В октябре армия вошла в состав нового Донского фронта, который возглавил К.К. Рокоссовский. Редакция газеты фактически располагалась на передовой и часто, чтобы передать материал в редакцию, Марку приходилось ползти по-пластунски под обстрелом. Помимо сатирических выпусков «Фрицимора», отец публиковал стихи про

Семена Смекалкина – смелого солдата, совершавшего подвиги (аналог Василия Теркина А. Твардовского) и патриотические агитационные стихи-отклики на злободневные фронтовые эпизоды: «Высотка восьми», «Будь достоин» и др. Осенью 1942 года в редакции побывали Вас. Гроссман и Е. Долматовский.

Я. Сатуновский иллюстрировал все сатирические стихи и шутки с карикатурами и сам публиковал стихи. Отец присылал по почте нам в Сарапул вырезки и целые номера армейской газеты – 17 номеров и отдельные вырезки сохранились у меня до сих пор. После завершения боев по ликвидации и пленению армии Паулюса, в феврале 1943 года Марка наградили медалью «За боевые заслуги» (очень ценная награда по тем временам, когда ордена давали редко). А в мае, в период подготовки операций на Курской дуге, ему и Я. Сатуновскому были вручены гвардейские значки и медали «За оборону Сталинграда». Гвардейский знак давал прибавку к окладу на 50%, что было важно: отец высылал каждый месяц свой аттестат нам в Сарапул. Марк в мае 1943 года пишет Ионе в Москву «...даром нам гвардейское звание не дали. О себе могу сказать, что за полгода борьбы под Сталинградом мне пришлось немало испытать и не раз уверять себя в существовании счастливой звезды».

Надо сказать, что дневники и записные книжки отец потерял под обстрелом – они выскользнули при пластунском передвижении. В конце войны другие материалы, дневники и документы были утеряны в танке, сгоревшем после того, как Марк и экипаж

успели покинуть его. Весной 1943 года наступило недолгое затишье на их фронте. Работая по-прежнему в газете, Марк пишет клоунаду для циркового коллектива и скетчи для артистических армейских бригад. Постановщиком программ был его приятель артист Григорий Плужник, известный по кинокартинам «Вратарь» и другим, а ведущим – артист Еремин, игравший в кинокартине «Свинарка и пастух».

В начале июля началось сражение на Курской дуге. 5-я Гвардейская армия с 5-го по 12-е июля вела оборонительные бои под Прохоровкой, а затем перешла в наступление в направлении Белгорода и Харькова (23 августа). К концу сентября армия обошла с севера Полтаву и вышла к Днепру южнее Кременчуга, овладев им 29 сентября. В середине октября 5-я Гвардейская армия и ряд других соединений форсировали Днепр южнее Кременчуга. В начале октября Степной фронт, в который входила 5-я Гвардейская армия, был преобразован во 2-й Украинский, а Воронежский – в 1-й Украинский фронт. При подготовке войск к форсированию Днепра, освобождению Киева и дальнейшему наступлению, командование произвело перегруппировку сил, создание новых фронтов и армий. 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко была скрытно перебросена на 150-200 км на Лютежский плацдарм севернее Киева. 6-го ноября 1943 года эта армия и 38-ая армия овладели Киевом и окрестными городами и поселками. Марка переводят в 3-ю Гвардейскую танковую армию – в газету «Знамя Родины» 7-го Гвардейского танкового корпуса. В этой армии и

с этим танковым корпусом Марк прошел всю вторую половину войны до взятия Берлина и Праги. Во время переезда из прежней армии к новой – в конце ноября – начале декабря 1943 года отец посетил город своей юности Киев. В редакцию Марк прибыл, когда корпус продвигался западнее Киева в южном направлении, освобождая Васильков, Фастов, Житомир. 4-го января была освобождена родина отца – Белая Церковь.

При наступлении танковых войск редакция не всегда поспевала за передовыми частями, и отец отправлялся в рейды в танке того или другого любившегося ему командира, о котором готовил корреспонденцию и очерк в газету. Такие рейды длились иногда три-четыре недели и, вернувшись в редакцию, Марк обрабатывал накопленный материал.

В 1944 году он сдружился с товарищем по редакции Матвеем Ивановичем Эдемским, дружеские отношения с которым поддерживал и после войны до последних своих дней. Публикация очерков о героических личностях своего корпуса требовала многодневного присутствия рядом с «объектом». Таким вот образом отец крепко подружился с будущим дважды Героем Советского Союза – командиром 23-й Гвардейской мотострелковой бригады гвардии полковником Александром Алексеевичем Головачевым, командиром танкового батальона гвардии майором Семеном Васильевичем Хохряковым и Героем Советского Союза Подопригора.

Марк ценил их не только как талантливых командиров, но и как замечательных людей. А.А. Головачев

был зорек, строг и человечен – в него были влюблены солдаты и офицеры, ласково называли его «батей» (хотя ему было всего 32 года). Звание Героя получил за блестяще проведенный рейд по тылам противника в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции. Был там эпизод, когда его 23-я Гвардейская мотострелковая бригада попала в окружение, и он вывел войска, понеся минимальные потери. Марк весь рейд был рядом с Головачевым и выходил из окружения с пистолетом в руке. Отца тоже наградили орденом «Красная звезда». 6-го марта 1945 года после тяжелых боев Головачев на глазах у Марка погиб. Вскоре ему посмертно было присвоено звание Дважды Герой Советского Союза. Похоронен под Киевом в г. Василькове, в освобождении которого участвовала его бригада.

С.В. Хохряков был исключительно храбрым воином. Он любил и умел рисковать, неоднократно выходил со своим танком и батальоном победителем боев с противником, многократно превосходившим силой. Звание Героя получил в мае 1944 г. за подвиги в ходе Проскуровско-Черновицкой операции (в марте 1944 года). Дважды Героем стал 10 апреля 1945 года, а через неделю, 17 апреля – погиб, не дожив до взятия Берлина 2 недели и до капитуляции Гитлеровской Германии – 3 недели. Похоронен в г. Василькове. 21 мая 1945 года командующий армии генерал Рыбалко представил к награждению посмертно гвардии майора С.В. Хохрякова званием Трижды героя Советского Союза. Но «наверху» это представление застряло.

Якобы Сталин посчитал, что трижды героем должен стать летчик (Кожедуб, Покрышкин), а не танкист.

Сохранились фотографии Хохрякова и его начальника штаба капитана Тушкова с дарственной надписью: «Наилучшему товарищу по совместной службе в 7 ГТК писателю Марк. М. Пратусевичу от Хохрякова и Тушкова 9.04.45 г. Машендорф».

Смерть этих боевых друзей, а также погибшего в 1944 году Подопригоры, тяжело переживалась Марком. Об этих людях отец часто писал нам в Москву, а корреспонденции и очерки о них – в газету «Знамя Родины». В мае 1944 года пишет: «Редкое счастье – на протяжении такого короткого времени встретить двух необыкновенных людей и заслужить их дружбу и нечто большее. Это встреча навсегда...». 11 января 1945 года: «А сейчас пожелай мне доброго пути. Пишу я в землянке своего друга Хохрякова, с которым буду уже до конца войны. Верю, что все будет хорошо и светло и радостно...». На следующий день армия перешла в наступление, взяв курс на Берлин. 3 мая 1945 года из Берлина: «Недавно снимался в одном из пригородов Берлина. Посылаю тебе фотоснимок: война и цветы. Не хотелось выжимать улыбку, но вряд ли мне это удалось. Как не бронировано сердце, а все-таки оно часто до боли сжимается. Недавно потерял большого друга. Это уже третья невозвратимая утрата на войне... Сейчас предстоит марш. Я уже готов к выезду, а потому, заканчивая это письмецо, крепко тебя целую...» За без малого полтора года работы в корпсунной газете «Знамя Родины» отец

в составе 7-го Гвардейского танкового корпуса 3-й Гвардейской армии участвовал в Киевской (декабрь 1943), Житомирско-Бердичевской (конец декабря 1943 – 14 января 1944), Проскуровско-Черновицкой (март – начало апреля 1944), Львовско-Сандомирской (июль – август 1944), Висло-Озерской (12 января – 3 февраля 1945), Берлинской (16 апреля – 8 мая 1945), Пражской (6–11 мая 1945) операциях. В промежутках между операциями были относительно спокойные дни и недели отдыха, подготовки к дальнейшему наступлению.

В эти периоды Марк нуждается в подпитке общением и чтением. В ноябре 1944 года он пишет: «Долгие стоянки рождают во мне чувство одиночества. Читать нечего, писать не хочется. Обглядываю стихи Пастернака, которые он с трогательной надписью прислал мне». Боевые будни военного корреспондента описаны в шуточных стихах, которые прислал Марк Эдемскому (весна – лето 1944). Как и под Сталинградом, отец верит в свою счастливую звезду на войне. Он фаталист.

В марте 1944 года Марк пишет мне: «Были очень тяжелые дни, в особенности 6-го марта, когда я чудом остался жив и невредим... Было много боев, в которых я непосредственно принимал участие. Я решил этот месяц повоевать, а потом уже буду заниматься письменными делами. Выработалось абсолютное безразличие к опасностям, и только когда самолеты начинают обстреливать танки, а ты на танке, а не в нем – очень тревожное и неприятное чувство». В

феврале 1945 года – во время боев у Одера – ночью пишет письмо в Москву: «Недавно погиб мой товарищ, с которым вместе работаем на передовой. Он очень боялся смерти – и он погиб, а я не боюсь ее – я буду жить. Одному, признаюсь, жутковато иногда – когда возвращаешься после боя в редакцию. По чужим враждебным лесам, деревьям, путь, по которому только-только пронесли танки, очень тревожен. Но мне помогает мое любопытство, и я часто забываю про все опасности». В качестве примера философского отношения к жизни и смерти отец приводил пример: как-то в Польше он прибыл на передовую. После ужина с командиром и двумя его офицерами стали устраиваться на ночлег в двухэтажном доме. Все пошло в полуподвал дома, мол, пристрелян артиллеристами врага, ночью могут попасть. Марк отказался спускаться и остался на втором этаже. Ночью снаряд пробил крышу рядом с отцом, пробил перекрытия этажей и взорвался в подвале. Тех троих убило, а Марк отделался легкой контузией.

После взятия Берлина 6 мая танковые армии совершили знаменитый бросок на Дрезден и далее через Судеты на Прагу. На рассвете 9-го мая, когда немцы еще не полностью вышли из города, Марк одним из первых оказался на Вацлавской площади – в центре Чехословацкой столицы. Обстоятельства этого похода и волнующие встречи с пражанами он много позже описал в неопубликованном рассказе «Финал».

Война в Европе кончилась. В Праге он повстречался с Я. Сатуновским: 5-я Гвардейская армия Жа-

дова воевала в составе того же Украинского фронта, руководимого Коневым. Марк и Яша встречались в Праге с Ильей Эренбургом. Сатуновский показал ему свои стихи, которые Эренбургу понравились, но он предупредил, что кроме него и В. Шкловского никто их не оценит и не напечатает: «не обольщайте себя надеждами – таким как мы с вами – работать и жить будет очень трудно». Эренбург хорошо знал, что следует ожидать и от кого. После войны в Москве дружба отца с Яшей возобновилась – он часто бывал у нас (приезжал из Электростали, где работал химиком), читал свои оригинальные стихи, слушал Марка и общался со мной.

Прага поразила Марка своей красотой и гармонией. Марк писал Розе: «Пожалуй, с любимым человеком я бы, не тоскуя, мог прожить в Праге год. Это очень много». Июль, август и половину сентября 1945 года отец провел под Веной в Австрии. После жизни в условиях наступающей армии, когда, по словам Марка, «...ночью, днем на танках, доджах, мотоциклах – в движении. Спим стоя, сидя, а недавно на броневике стоял и заснул и о края башни чуть череп не расколот...», он очутился в комфортной обстановке – отель, хорошее питание. Поездки в Вену, участие в танцевальных соревнованиях.

В начале октября 1945 года гвардии капитан М.М. Пратусевич, кавалер орденов Отечественной войны 1-й степени, Красной звезды и многих медалей вернулся в Москву домой. Ему 49 лет. Как и в гражданскую войну, он проявил в критических

обстоятельствах для страны творческую энергию, выносливость храбрость, способность к преданной бескорыстной дружбе.

Послевоенные годы (1945–1964)

Встреча с родными и близкими была радостная. А что увидел и узнал он об их жизни в военные годы? Я вернулся в Москву из эвакуации к осени 1943 года под звуки салюта в честь освобождения Орла и Белгорода. В 1945–46 я учился в 10 классе в своей довоенной школе.

Роза – моя мама – по возвращению из эвакуации пыталась продолжить работу в ГМИИ им. Пушкина, но получила отказ – следствие новой кадровой политики. Она была принята на работу в художественное ПТУ в качестве преподавателя истории искусств и вскоре стала любимицей учеников, которые после выпуска многие годы поддерживали с ней связь. Она подготовила диссертацию на тему особенностей средневековых памятников Франции, но работу к защите не приняли «в связи с неактуальностью темы».

Марк, оглядевшись, устроился журналистом в Совинформбюро – писал очерки на темы литературы и искусства, а затем рассказы и очерки для редакции радиовещания на Италию. Отец испытывал все возрастающие трудности при устройстве на работу, несмотря на свои ордена и профессиональные заслуги. Но это не было для него неожиданностью. Работая в

армейской печати, он уже в 1943–1944 годы сталкивался с определенной дискриминацией по «пятому пункту» анкеты, насаждаемой политорганами сверху. Это проявлялось при его и других офицеров–евреев представлении к повышению в звании и наградам. Например, группу офицеров местное командование представило к награждению орденами «Красного знамени» – все получили, кроме него, – ему дали орден «Красной звезды». Во время Берлинской операции его представили к награждению «Орденом Ленина», а дали орден «Отечественной войны 1-й степени». Долго тянули с присвоением звания капитана, хотя местное командование – и редакции, и бригады, и корпуса – проталкивало, как могло.

Все же в 1946–1947 гг. несколько очерков Марка напечатал «Огонек» – он разъезжал по Союзу, писал о столицах республик, о выдающихся советских скульпторах – Шадре, Голубкиной, Мухиной. В 1948–1949 гг. удалось напечатать несколько статей в журналах «Работница» и «Крестьянка» и в ряде периферийных изданий. В разгар идеологической компании борьбы с «космополитами» отцу удалось заключить договор с «Трудрезервиздатом» и в 1951 году вышла его книжка «Повесть о дружбе». В эти годы Марк написал «в стол» несколько рассказов, сюжеты которых черпались из событий и впечатлений Гражданской и Отечественной войн. К сожалению, из-за необходимости каждодневной поденной литературной работы, отец не осуществил написание задуманной еще на фронте книги о трех героях – Го-

ловачеве, Хохрякове и Подопригоре. Небольшая повесть «Майор Добряков» осталась незаконченной.

Наступила темная полоса в жизни. Приходилось брать работу на дом по литературному редактированию научно-популярной и технической литературы, которую ему предоставлял брат Ионя, работавший в издательстве в то время. Эта ситуация морально угнетала Марка.

В 1952 году я окончил Станкин и был направлен инженером-конструктором на Рязанский станкостроительный завод. Отец подбадривал меня. Анти-семитская кампания была в разгаре – дело врачей. К счастью, умер Сталин. Марк побывал в общежитии Рязанского станкозавода, где я жил с двумя приятелями, бывшими станкиновцами. Ознакомившись с нашим бытом, прислал из Москвы стихотворные письма – поэмы, полные юмора. В 1954 году я женился на Оксане Левантовской – выпускнице Рязанского мединститута. В Москве на нашей свадьбе отец лихо танцевал и блестяще, по-молодому, исполнил мазурку. А через месяц его разбил инсульт – сказались перегрузки военных лет, стрессы прошлой семейной жизни, дискриминация и идеологический пресс. Ему было 58 лет. С помощью Лидии Ивановны Чернобуровой он постепенно поправился, но болезнь наложила отпечаток на его облик и образ жизни. В эти годы, помимо Сергея Молчанова, он поддерживал дружеские отношения с М. Эдемским и Я. Сатуновским. Последний через Марка познакомился (сначала еще во время войны по переписке) с Розой Марков-

ной и Евгенией Филипповной Куниной, заходил к ним, читал свои новые стихи и слушал стихи Евгении Филипповны¹. Часто нас посещал А.Н. Ракитников, литератор в прошлом (в двадцатые годы сотрудничал с сатирическим журналом «Заноза», с Б.Н. Перелешиним составил альманах экспрессионистов, в тридцатые годы писал очерки о Дусе Виноградовой и других стахановках), в гостях у Марка – азартный игрок в нарды. Сергей Молчанов после войны жил у нас два года, а потом женился на коллеге по работе – Таисии Леонтьевне – и переехал к ней.

В 1955 году у меня родился сын Виктор. Марк очень нежно относился к внуку, играл с ним, как с равным, писал ему письма и оставил на память альбом с фотографиями Виктора и стихотворными подписями. В 1957 году Марк перенес инфаркт, который случился, когда он был в гостях у Фриды Комаровой – в девичестве Черток – сестры Лизы Черток. Выкарабкавшись из инфаркта, страдал время от времени сердечными приступами. По совету врача неотложки и с согласия отца я организовал консультацию, а затем операцию шунтирования сосудов, питающих сердце. Операция прошла удачно, и несколько последующих лет он чувствовал себя бодрее и работоспособнее. После XX съезда партии и процесса реабилитаций появился Игорь Саблин, из небытия вышли участники событий на Черноморье 1919–1921 гг., некоторые из которых отсидели в ла-

¹ См. кн.: Дом Куниных. Воспоминания. Из литературного наследия. М., 2006.

герях десятки лет, – те, которые молодыми «делали историю». Пошли публикации о событиях Гражданской войны, вышли книги на эту тему. Многие газеты Батуми, Туапсе, Сочи, Ростова печатали воспоминания участников, заинтересовались краеведческие музеи этих городов. Отец помогал Саблину вспоминать и литературно обрабатывать материал. Отец в сопровождении Лидии Ивановны дважды ездил на Черноморское побережье – в Батуми, Махинджаури, Туапсе. Встречался с Петром Чайковским и его сестрами, с Ильясом Тарановым, Шевцовым (выпустившим книгу «Особое задание», где в нескольких местах рассказывает о Марке в 1920 г.), Пирумовой и другими; переписывался с М.Д. Томашевским, чудом избежавшим репрессий и живущим в своей станице Троицкой в Ингушетии.

В 1958 году Марк подбадривает своего друга Сергея Молчанова, попавшего в больницу с переломом бедра, посылает ему шуточные стихи. Обострение туберкулезного процесса привело к тому, что в начале 1959 года, так и не выбравшись из больницы, Сергей умер. Марк глубоко переживает смерть лучшего и самого давнего друга.

Отец временами писал роман из времен Гражданской войны, который остался незаконченным. Несмотря на операцию, изношенное сердце дало о себе знать. После поездок во влажный и жаркий Батуми Марку становится хуже.

Умер он во сне в ночь с 12-го на 13-е марта 1964 года. Было ему тогда 68 лет.

На похороны собралось много народа – еще были живы товарищи по подпольной работе и войне на Кавказе, друзья и товарищи по работе 20-х годов, фронтовые друзья по отечественной войне и родственники. Присылали письма с соболезнованиями и воспоминаниями о Марке. Сестра Хиля писала: «Когда Марк был маленьким, то в гимназии говорили – в этом мальчишке тысяча жизней. Вот и ушла последняя из тысячи, и все-таки он жил, как ему хотелось, и умер легко. Такая смерть тяжела для окружающих, но для него – легче»... Матвей Иванович Эдемский: «Знайте и помните, что память о Марке будет сохраняться в нашем сознании до последнего вздоха. Мы высоко чтим его незаметный, но существенный подвиг во время войны, в котором он показал себя преданным Родине воином. Его сын и внук могут гордиться им».

Подводя итоги жизни отца, нужно отметить одну особенность его характера. В мирной жизни он был немного ленивым, непрактичным, не доводящим до конца некоторые творческие задумки. Но лишь наступали грозные события в жизни народа и, словами Пушкина, «лишь божественный глагол» – призыв встать на защиту страны – «до слуха чуткого коснется, Душа поэта встрепенется как пробудившийся орел». И душа поэта Марка Пратусевича откликалась на призыв, и он преображался – на войне он был смелым, волевым, работоспособным и выносливым.

Таким он остался в нашей памяти.

Р.М. Пратусевич

СОДЕРЖАНИЕ

І. ЮНОСТЬ (1912–1921)

Царство сна (<i>из Овидия</i>).....	5
«На морском берегу бесконечных миров...» (<i>из Р. Тагора</i>)	7
Осень	9
Снежная карусель	10
«Я вечно юн, я вечно юн...»	11
В длинных травах.....	13
«За горизонтной линией...»	14
<Лизе Черток>.....	14
«Ах, не роза белая и не спелая вишня я...»	15
«Совершая в область души Вашей экскурсию...»	16
Гадание	16
«В моей душе взойдут снега...»	17
<Норвежской девушке>	18
«О, стоны чибисов в вечерний перелет...».....	19
Стихотворение без заглавия.....	20
Норд-ост	21

ІІ. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОВ (1921–1939). МОСКВА

«О сердце площади кровавь...»	22
Моне Бамдасу.....	22
Самоубийство в проекте (<i>отрывки из поэмы</i>)	23

«Предчувствую твой сладкий шаг...»	27
Разговор с душой.....	28
Зрелость	29
«О, приоткрой тяжелые портьеры...»	29
«В последний раз – уже не горстью золотой...»	30
«Надвинулись туманы на широкий лоб...».....	31
«Музыка сфер? Веков ужимка?»	32
Портрет пастелью	32
О, если бы...	33
Поэтический момент (<i>К стихам Пастернака</i>).....	34
«Простите талую усталость...»	34
Осенние мотивы	
1. «На небесной слюде...»	35
2. «Пока душевные кроты...»	36
3. «Когда душевные кроты...»	36
Осеннее	37
Библейский мотив	38
Акварель	38
«Весна начиналась сурово...»	39
Песня песней	39
Баллада о венценосце.....	42
Эпитафия	43
«Как черной ночи сгусток...»	43
Рисунок углем	44
«Проклятье музыке. Она сжимает горло...»	44
Баллада о ревности.....	45
«Тоскливо небесный парус натянут...».....	46
«Жизнь его была наискось...»	47
Из реквиема	
1. «Ты умерла, как умирает детство...»	47
2. «Лишь ты, ты рвешься вспять...».....	48
3. «...Ты умерла. Зачем же беспокойство...»	48
6. О чем же просишь ты?.....	49
7. Зачем же ты клеветешь на себя	49

«Любовь это лава...»	50
«О, нет, не поверю, что это во мне...»	51
«Я свободен, как свободно тело...»	52
«Я просчитался, прогадал...»	52
«О, проклятые сказки...»	53
«О, почему не властна смерть над снами?...»	54
«Чужая и горная, как Тибет...»	54
Портрет	55
«К жизни ты приговором пришита...»	55
«И вот теперь плетешь убийственную нить...»	56
«Научись из пустого в порожнее...»	56
«Ты падаешь... От ночи к ночи...»	57
«Ах, падают листья с кленов...»	58

III. ИЗ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Фонтаны слов – продбазы нет	59
Будь достоин	61
Высотка восьми	63
Как Смекалкин, бравый разведчик, потчевал немцев их же карточью	64
Словцо про кольцо <i>(в соавторстве с Я. Сатуновским)</i>	68
Говорят, да говорят	69

IV. ДРУЖЕСКИЕ И РОДСТВЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ И ПОСВЯЩЕНИЯ

Сыну в год двадцатилетия – девятилетнему	71
<О В.И. Колтуненко>	72

Из фронтовых посвящений Матвею Эдемскому	
1. «Эдемскому от полноты души...»	72
2. «Бедный наш Матвей Иваныч...»	73
Первое послание в Рязань	
1. «Я вам пишу. Чего же менее...»	75
II. «Два дня пробыл я в переделке...»	77
III. «Зима. Колхозник торжествуя...»	79
Серее Молчанову	82
Эпитафия (<i>шуточная</i>)	83
Пусть годы мчатся резво.....	84
<i>Р.М. Пратусевич. Глазами сына</i>	85

Пратусевич М.М.

П70 «О, если бы...»: Стихотворения. – М.: Водолей, 2012. – 144 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 978–5–91763–140–0

В книге впервые собраны стихотворения Марка Михайловича Пратусевича 1912–1964 гг., большая часть которых никогда не публиковалась. Незаурядный поэт-дилетант, он был, однако, профессиональным литератором: публиковался в «Гудке», фронтовых газетах. Был знаком с грузинскими футуристами, Б.Л. Пастернаком, дружил с Я. Сатуновским. О жизненном пути автора рассказывает биографический очерк, написанный его сыном, Р.М. Пратусевичем.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

Пратусевич Марк Михайлович

«О, если бы...»

Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 31.10.12. Формат 60х90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.

Печ. л. 4,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

E-mail: info@vodoleybooks.ru

Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

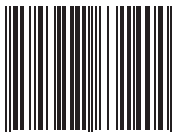
ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации

Генеральный директор **Э.А. Галумов**

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д.5.

Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20

e-mail: izd.izv@ru.net

9 785917 631400

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Эйснер А. В. Человек начинается
с горя: Стихотворения разных лет.
2005. – 72 с.

Дураков А. П. Один из солнечных
лучей: Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Манухина Н. Л. Смерти неподвласт-
на лишь любовь: Стихотворения.
2006. – 80 с.

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов:
Стихотворения. 2006. – 80 с.

Кржижановский С. Д. Книжная
душа: Стихотворения разных лет.
2007. – 88 с.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Щировский В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2007. – 136 с.

Сабуров А. А. Будем с верою радости ждать: Стихотворения. 2007. – 80 с.

Штих А. Л. Истлевших лет живые сны: Избранные стихотворения. 2008. – 128 с.

Скрябин А. Н. Поэма экстаза. 2008. – 128 с.

Нейштадт В. И. Пейзаж с человеком: Стихи и воспоминания. 2008. – 128 с.

Кискевич Е. М. Ноктюрн душе: Стихотворения. – 2008. – 128 с.

Феррари Е. К. Эрифилли. – 2009. – 80 с.

Штих М. Л. Зарытый в глушь немых годин: Стихотворения 1917–1922 гг. – 2009. – 96 с.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Бем И. А. Орфей: Стихотворения.
2010. – 96 с.

Ланн Е. Л. Негойса: Стихотворения.
2010. – 128 с.

Пузанов И. И. Талипот: Стихотворения.
2011. – 160 с.

Давыдов З. С. Ветер: Стихотворения.
2011. – 88 с.

Туринцев А. А. Обрывистой тропой:
Стихотворения. 2012. – 88 с.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Штих М. Л. Зарытый в глушь немых годин: Стихотворения 1917–1922 гг. – 2009. – 96 с.

Михаил Штих (1898–1980) – профессиональный журналист, младший брат Александра Штиха, близкого друга Бориса Пастернака. В юности готовился к карьере скрипача, однако жизнь и превратности Гражданской войны распорядились иначе. С детства страстно любил поэзию, чему в большой степени способствовало окружение и интересы старшего брата. Период собственного поэтического творчества М. Штиха краток: он начал сочинять в 18 лет и закончил в 24. Его стихи носят характер исповедальной лирики и никогда не предназначались для публикации. Однако, несмотря на юность автора, они талантливы и самобытны, и представляют несомненный интерес как для специалистов – исследователей поэзии начала XX века, так и для широкого круга любителей русской словесности. Стихотворения М.Л. Штиха публикуются по документам, хранящимся в личном архиве С.В. Смолицкого.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Бем И. А. Орфей: Стихотворения. 2010. – 96 с.

Поэтесса Ирина Бем (1916–1981), дочь литературоведа и философа А. Л. Бема, в эмиграции оказалась с 1919 года: сперва в Белграде, затем в Варшаве и с 1922 года – в Праге. Входила в пражский «Скит поэтов», которым руководил ее отец. В 1943 году в Праге нетипографским способом вышел единственный ее поэтический сборник – «Орфей». После гибели отца переехала в Восточную Чехию, преподавала французский и латынь.

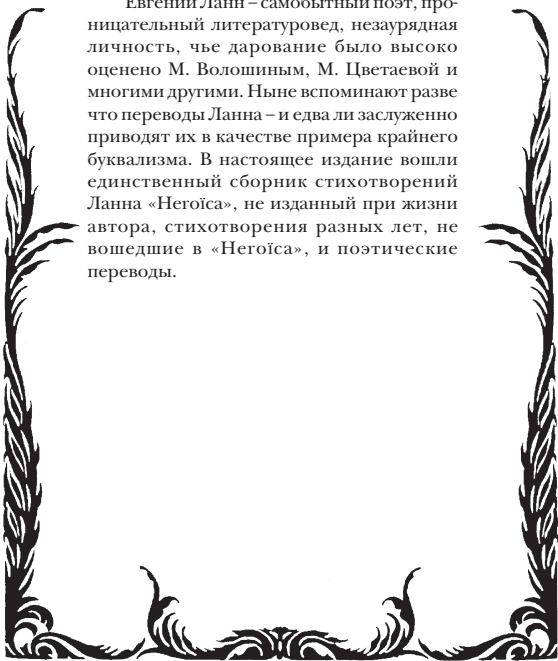
Настоящее издание составили стихи и переводы из авторского собрания «Стихи разных лет. Прага 1936–1969» (машинопись). Больше половины из них публикуется впервые. В книгу также вошли письма А. Тесковой, В. Морковина, Е. Кист к И. Бем.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ланн Е. Л. Негойса: Стихотворения.
2010. – 128 с.

Евгений Ланн – самобытный поэт, проницательный литературовед, незаурядная личность, чье дарование было высоко оценено М. Волошиным, М. Цветаевой и многими другими. Ныне вспоминают разве что переводы Ланна – и едва ли заслуженно приводят их в качестве примера крайнего буквализма. В настоящее издание вошли единственный сборник стихотворений Ланна «Негойса», не изданный при жизни автора, стихотворения разных лет, не вошедшие в «Негойса», и поэтические переводы.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Пузанов И. И. Галипот: Стихотворения. 2011. – 160 с.

И.И. Пузанов (1885, Курск – 1971, Одесса), один из крупнейших зоогеографов советского времени, в литературе всегда оставался скорее ученым, чем поэтом, – его стихи лишь эпизодически появлялись в периодической печати. Как переводчику, И. Пузанову принадлежит перевод практически полного свода поэтических и критических произведений Леконта де Лиля, но эта работа осталась неизвестной читателю. В книгу вошли избранные стихотворения, поэма «Даткал» и фрагменты воспоминаний о М.А. Волошине.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Давыдов З. С. Ветер: Стихотворения. 2011. – 88 с.

Исторический романист Зиновий Самойлович Давыдов (1892–1958) начинал свой путь как поэт, последователь символистов и акмеистов. В 1919 году, в Чернигове вышла в свет его дебютная и единственная книга стихов «Ветер», которую в настоящем издании мы перепечатываем полностью. Книга дополнена никогда не публиковавшимися стихами Давыдова.

Туринцев А. А. Обрывистой тропой: Стихотворения. 2012. – 88 с.

Александр Александрович Туринцев (1896–1984), русский эмигрант первой волны, участник легендарного «Скита поэтов» в Праге, в 1927 г. оборвал все связи с литературным миром, посвятив оставшиеся годы служению Богу. Небольшое поэтическое наследие Туринцева впервые выходит отдельным изданием. Ряд стихотворений и поэма «Моя фильма» печатаются впервые.

**Книги серии «Малый Серебряный век»
издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

Галерея книги «НИНА»
Москва, ул. Бахрушина, 28
тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»
109240, Москва, ул. Н.Радищевская, 2
тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

**Книжная лавка при Литературном институте
им А.М.Горького**
123104, Москва, Тверской б-р, 25
тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Фаланстер»
109012, Москва, М. Гнезниковский пер., 12\27
тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»
E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20